

попаданец

ТОПЧИНС

Андрей Лео

СДЕЛАЙ, ЧТО СМОЖЕШЬ
НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Андрей Васильевич Лео
Сделай, что сможешь.
Новые горизонты
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68882904

*Сделай, что сможешь: Сделай, что сможешь. Новые горизонты:
роман / Андрей Лео: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-151106-7*

Аннотация

Продолжение приключений человека нашего времени, сознание которого по каким-то неведомым причинам переместилось в тело крестьянского паренька из девятнадцатого века. Он уже неплохо устроился в Сибири, но его манит столица Российской империи. Там больше возможностей для реализации своих замыслов и есть шанс повлиять на будущее развитие страны.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	58
Глава 4	83
Глава 5	109
Глава 6	132
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Андрей Васильевич Лео

Сделай, что сможешь.

Новые горизонты

© Андрей Лео, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

День сегодня обещает быть жарким. Я открыл окно и выглянул во двор. Солнце только-только взошло. Налетевший утренний ветерок растрепал волосы. Э-эх... захотелось потянуться до хруста в позвоночнике. А жить-то хо-ро-шо!!!

Как же я благодарен судьбе за то, что она перенесла моё сознание из начала века двадцать первого в середину века девятнадцатого. Да, конечно, жаль того, что оставлено в прошлом-будущем. Не узнать мне теперь, как там дети и внуки дальше жили. Но... эта действительность для меня всё же значительно интереснее. К тому же я снова молод и могу «написать» свою судьбу заново, постаравшись избежать многих ошибок из той жизни. И кто знает, может, и будущее России я смогу изменить к лучшему, а то начало двадцатого века сложилось для неё слишком уж мрачно и безрадостно.

Со стороны четырёхэтажки, возводимой рядом с усадьбой, раздаются бодрые команды – строители приступают к работе ещё затемно, иначе до зимы не успеть. Бросил туда взгляд. Медленно, но верно поднимаются стены за частоколом опорных столбов. Память сразу решила подпортить впечатление от прекрасного утра, напомнив о нерешённых вопросах с трубами отопления. Послал её подальше, чтоб не мешала любоваться началом нового дня.

На крыльцо выбежал Мухтар, сел и стал по-хозяйски

осматривать подведомственную территорию. Через минуту следом выкатилась парочка меховых комков и напала на его мотающийся из стороны в сторону хвост. Щенки – вот кому без забот живётся. Лопают они до отвала и стремительно растут, развлекаются по мере сил и возможностей и купаются во всеобщем внимании.

Правда, «приёмные родители» вроде бы взялись за их воспитание, причём забавно так: у каждого сосунка свой наставник образовался. Коза Феря единственную девчонку натаскивает, постаревший, но всё ещё остающийся в силе Мухтар – пацана поумнее, а молодому Иртышу достался пентюх, на него похожий, постоянно возле конуры шастает, а бывает, и спит там. При этом в характере самого Иртыша произошли заметные изменения к лучшему. Он уже не смотрится таким дурнем, как раньше. Не-ет... что вы, что вы! Нынче он солидный пёс, обучающий молодое поколение навыкам охраны двора, и всё то, что недавно Мухтар с Ферей ему с трудом вдалбливали, этот оболтус выдаёт за свои собственные «боевые» наработки.

О, и Софья Марковна вышла, порядок среди женского персонала наводит. За ежедневными хлопотами старается скрыть свою тревогу. В последнее время ей можно лишь посочувствовать. Её возлюбленный, граф Ростовцев, побыл у нас в Красноярске три дня, взбаламутил всем жизнь и вместе со своим напарником, поручиком Вяземским, умчался в сторону китайской границы. Что делать, служба есть служба,

а наша красавица теперь снова ждёт и переживает за суженого.

В голове опять пронеслись воспоминания. Скованная атмосфера первого вечера с офицерами в нашем доме, молчаливые Софа и граф, ничего не понимающие соседи и я, как тамада на свадьбе, старающийся красноречием скрасить столь неловкую ситуацию. Хорошо хоть потом поручик подключился с рассказами о столичной жизни.

А эта странная беседа с графом на следующий день. Не поленился ведь он с Вяземским приехать ко мне в мастерскую. Осмотрели господа военные наше с Потапом Владимировичем производство, а затем:

– Александр, я прошу у вас руки Софьи Марковны.

В первую минуту я просто стоял и хлопал глазами, всё пытаюсь сообразить, с какого бодуна Ростовцев ко мне-то с такой дурацкой просьбой обращается. Это Софа мой опекун, а не я её.

– Простите, граф, я не совсем понимаю причину, по которой вы просите руки уважаемой Софьи Марковны у меня.

– Это желание Софи... извините, Софьи Марковны. Вы – старший мужчина в доме.

Охренеть! Софи, значит. У нашей старшей крыша от любовной эйфории поехала, однозначно. Ну, Софочка, я тебе дома устрою разбор полётов. Тоже мне старшего мужчину нашла! Издевательство, в натуре, и надо мной, и над графом. А ребята стоят хмурые, напряжённо ждут ответа. Могу

их понять: приходится просить какого-то молокососа о долгожданном единении двух любящих сердец. Вдруг откажет, что тогда?

М-да... Сразу ясно, нечто дружеское вроде «да забирайте вы эту Кемску волость»¹ тут не прокатит. Постарался подойти к ответу со стороны политической:

– Граф, я надеюсь, вы осознаёте, что на этот брак вам предстоит получить разрешение его императорского величества?

– Безусловно. И поверьте, задержки с разрешением не предвидится.

Ага, выходит, есть у него козырь в рукаве при разговоре с царём. Отлично, а то я опасался, что Софе уготована жизнь внебрачной сожительницы.

– Думаю, вы представляете и реакцию петербургского beau monde'a². Que dira le monde?³

Ох, как гордо он вскинул подбородок!

– В этом вопросе меня мало заботит реакция высшего света.

Хм... уважаю... Ответ настоящего мужчины. Тогда флаг тебе в руки, граф, я обеими руками за ваше совместное будущее. Только вот...

¹ Фраза из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию». – *Здесь и далее прим. авт.*

² Beau monde (фр.) – бомонд.

³ Que dira le monde? (фр.) – Что скажет общество?

– Приятно это слышать. Вижу, Софья Марковна будет под надёжной защитой. И я, конечно же, с удовольствием пожелаю вам счастья, но...

Слегка расслабившиеся лица вновь хмурятся.

– Я также знаю, что послезавтра вам выступать в дорогу, и кто знает, какие опасности могут на ней поджидать. Не лучше ли заняться решением этого вопроса после вашего возвращения?

Граф понимающе кивнул, соглашаясь.

– Могу ли я надеяться на освобождение Софьи Марковны от любых обязательств к ноябрю?

Во, блин, спросил! Какие у неё имеются обязательства? Или он считает, «старший мужчина в доме» эксплуатирует её в роли заведующей косметсалоном?

– Что вы имеете в виду?

– В первую очередь опекунство – я полагаю, трудностей со сменой опекуна у вас не возникнет. А во-вторых, работу в салоне, разумеется.

– С опекунством проблем не будет, а по работе поговорите с самой Софьей Марковной. Салон – её собственность.

Ха... какие лица у них ошарашенные. Да, ребята, Софа – человек не бедный и вполне самостоятельный. И я ей сегодня точно головомойку устрою, выставила меня перед людьми, понимаешь ли, тираном каким-то.

На обед, по приглашению Валерия Яковлевича, пошли к соседям. По сути, звали лишь офицеров, а мы с Софьей

и Машулей и так последние два месяца там обедаем. Дома-то негде: гостиная оккупирована женским дворянским табором, а остальные подходящие помещения заняты постоянно увеличивающимся персоналом салона, им тоже где-то питаться надо. На этот раз Софа с графом за столом выглядели живее всех живых, оба шутили без умолку, но свой маленький секрет не выдавали. Естественно, я тоже не стал заострять на нём внимание.

Потом мы всей компанией перебрались к нам в усадьбу. Я имел неосторожность заглянуть в гостиную и тут же был «наказан» дамским обществом на пять песен. Присутствие свежих, да ещё и столичных, кавалеров слегка смягчило мою участь, но полностью от «наказания» не избавило. В общем, на пару с поручиком мы выдали полноценный концерт. Если судить по его сверкающим глазам и растопорщенным усам, ему это было в радость. К ужину заявилось высокое начальство в лице самого губернатора Енисейской губернии, с супругой, и пожурило графа за то, что он не приехал к ним на обед. Пришлось для погашения конфликта выставлять спиртное и закуски. Вечерок пролетел незаметно.

А на следующий день ко мне перед обедом примчался всклокоченный поручик, просить руки старшего косметолога Светланы. Хотелось воскликнуть, как тот волк из мультика: «Шо, опять?!» Чёрт возьми, эти-то когда состыковаться умудрились?! Утром видел Светика, ничто не предвещало свадебного переполоха. На мой вопрос, какого хрена снова у

меня разрешения спрашивают, ответ был тот же: я старший мужчина в доме. Твою же меть! Ну, девушки, это уже слишком. У неё есть мать. Вот и вперёд, к ней на поклон.

Что? Света в этом вопросе жаждет именно моего веского слова? И Софья Марковна с ней согласна? Я им что, свадебный генерал? Так, поручик, дама вам предварительное согласие дала? Прекрасно! Теперь пусть помучается, мой ответ вы услышите по возвращении из похода. Всё! No comments!⁴ Достали! И не надо тут усами шевелить. Вы знакомы всего два дня, считайте это проверкой ваших отношений.

Бурная отповедь не помешала bravому офицеру вечером наслаждаться жизнью как ни в чём не бывало, но смотрел он в этот раз только на нашего работничка. Ох, Света, Светочка, Светуля! Когда ж ты столичного гостя окрутить успела?

Прощание с залётными господами вышло несколько смазанное: заскочили ребята рано утром, поклонились дамам – и по коням, в путь-дорогу. Софа провожала своего ненаглядного с улыбкой Моны Лизы, Светлана – с красными глазами, а я, пожимая руки путешественников, пожелал каждому скорейшего возвращения. Если они быстро не вернуться, мне от женских слёз небо с овчинку покажется.

Грустить об ушедших в поход вояках времени у меня особо не было. Сразу после их отъезда пошли отборочные состязания для новых кандидатов в отряд «бизонов». Бизона-

⁴ No comments (*англ.*) – Без комментариев.

ми я последнее время стал называть ребят, которых решил подготовить к роли своих будущих охранников. Как-никак обещал я им, что посмотрю на тех, кого они там сами зимой тренировали, нужно исполнять обещанное.

Народа пришло аж двадцать девять человек, возрастом от четырнадцати до восемнадцати лет. Из них пятеро вообще не занимались ни под чьим руководством, просто решили счастья попытать. Кулачными бойцами себя возомнили, не иначе. Посмотрел я на это «воинство», погонял их. М-да... не бизоны, а слонопотамы какие-то. До уровня мною тренируемых никто не дотягивает. Или я уже придираюсь начинаю? Ай, ладно, собирался брать двоих, а возьму семерых – надо расширять банду моих обалдуев. Через год, глядишь, смогу организовать отряд охраны... хм... и нападения.

А неделю спустя с Абаканского железодельного завода прибыла первая партия заказанного металла, и дел в мастерской резко прибавилось. Я решил рискнуть прибылью и уговорил напарника взять в обучение ещё семерых парней из новых бизонов, работы у нас всем хватит.

Мастеров, умеющих хорошо проводить склѐпку металлических листов, следует готовить заранее. Когда начнѐм строить железные суда, опытных работников будет постоянно не хватать.

Заодно я счѐл необходимым подкорректировать распорядок трудового дня, а то уж больно раздражают местные обеденные перерывы – по два часа. Ведь почти все работяги пи-

таются дома, а народ тут обстоятельный: пока дойдут, пока руки помогут, потом неторопливо поедят. В результате минимум час светлого времени пропадает без толку.

Не-е, пора менять старые традиции. Предложил напарнику оборудовать заводскую столовую, он, почесав бороду, согласился, но организацию этого процесса взвалил на мои плечи. Ну да кто бы сомневался, инициатива, как всегда, наказуема. Эх... нет в жизни счастья! А что делать? Хочется тебе, Сашок, большого, нормально функционирующего предприятия, вот и рули. Здесь лишь ты знаешь, каким оно должно быть.

Наконец-то получил разрешение на поиск и разработку россыпных месторождений золота, ну и заодно всего остального полезного, что в земле лежит. Три месяца его дожидался. Ха, но даже не рассчитывал на такой быстрый ответ, слишком сложно сейчас с этим вопросом дела обстоят. Да-а, порадовали бюрократы горного ведомства. Видать, действительно мне в этой жизни кто-то на небесах помогает. Пора становиться золотопромышленником, о-ой пора-а! А то деньги нужны. Много денег.

Намечал следующей весной организовать первую экспедицию, но случай изменил планы. С некоторых пор я каждую неделю выделяю вечерок на ознакомление с библиотекой купца Кузнецова, правда стараюсь ограничивать себя только технической литературой, статистикой, а также законодательством Российской империи, остальное изучать про-

сто некогда.

И как-то вечером, уже прощаясь с купцом, столкнулся я в прихожей с худощавым пожилым человеком, в очках и в мундире горного инженера. Пётр Иванович представил нас друг другу. Оказалось, гость из-за болезни пропустил выход геологоразведочной партии, которой должен был руководить, и теперь, оклемавшись, пытается подыскать хоть какую-нибудь работу на лето. К его глубокому сожалению, у Кузнецова вакантных мест не нашлось.

И тут у меня мелькнула мысль: вот шанс начать кардинально улучшать своё материальное благосостояние уже этим летом. А почему бы и нет? Софа этого болезного товарища основательно подлечит, а дальше ему прямая дорога вперёд, за синей птицей и моим золотом. Дождавшись ухода просителя, поинтересовался у купца, что за человек к нему заходил и можно ли ему доверять, а получив положительную характеристику, спросил:

– Пётр Иванович, как вы посмотрите на моё предложение Нестору Андреевичу поработать на меня?

– Буду очень рад, если сговоритесь. Хотя... нынешний сезон вы уже упустили. Экспедиции за золотом загодя снаряжать надобно. С осени.

– По словам Нестора Андреевича, у него всё готово, люди ждут.

– Так-то оно так. Но... времени на длительные поиски не осталось. Он и сможет-то лишь по Минусинскому или Ачин-

скому краю походить, а там уж почти и нет неисследованных земель. Значит, экспедиция заранее обречена на неуспех, и вы впустую потратите свои деньги.

Э-э, нет, долгих изысканий тут не предвидится. У меня все не обнаруженные на данный момент крупные золотые россыпи на карту аккуратно нанесены, и описание их составлено, недаром же я старательно изучал расположение уже открытых на сегодняшний день приисков Енисейской губернии и «насиловал» память, вспоминая координаты будущих богатых месторождений. Так что Нестор Андреевич не наугад в тайгу поедет, а по чётко выверенному мною маршруту.

– Всё же рискну.

– Ваше право. Я предупредил.

Кстати, не так и много денег ушло на закупку продуктов и организацию отправки поисковой партии – там всего-то пять человек. Больше сил и времени потребовалось на разъяснение целей экспедиции её руководителю. Нестор Андреевич крайне недоверчиво отнёсся к якобы добытым мною у «знающих людей» сведениям. Еле убедил его действовать по представленному плану. Надеюсь, хоть что-нибудь он до зимы найдёт.

Большой неожиданностью стало желание устроиться в мастерскую уральского чубатого казачка, не так давно повалявшего меня в пыли. Интересно, это он таким образом решил в состав бизонов попасть? Немного подумал, рассматривая его, и решил спросить прямо:

– Ты именно в мастерской работать хочешь?

– А что?

– Да не... ничего. Если намерен здесь специальность получить, отговаривать не стану. Просто я хотел предложить тебе заняться более знакомым делом.

– Эт каким же?

– Мне пора свою охранную команду организовывать, чтоб делам моим никто не смог палки в колёса совать. Возьмусь ставить всё на новый, европейский лад. Платить буду хорошо, но и трудиться охранникам придётся не меньше, чем рабочим в мастерской, и спрос с них, разумеется, пойдёт особый.

– Команду желаете набрать из тех парней, что обучаете?

– И из них тоже. Но там лишь половина для серьёзных дел годится, да и тех ещё учить и учить.

– А ещё из кого?

– Нужны люди вроде тебя – молодые, но уже понюхавшие пороху.

– Таких нынче много.

– Может, и много, да не все сгодятся.

Он задумчиво покивал головой.

– И что делать, кого охранять?

– Усадьбу и всех, кто в ней проживает. В дальнейшем количество охраняемых объектов увеличится, но это дело будущего. Кроме усадьбы, ещё одной твоей обязанностью станет учёба.

– Чего?

– Да-да, учёба. Не удивляйся. Ты должен уметь и читать, и писать, и считать. Прекрасно драться, владеть холодным оружием и стрелять из всего, что стреляет. Вот этому и начнёшь учиться под моим руководством.

Та-ак... глазки у парня загорелись. Похоже, рыбка проглотила наживку. Куём железо, пока горячо. Расписал в ярких красках перспективы жизни, возможности увидеть новые города и страны. Не забыл и про опасности упомянуть, хотя они казака уже почти не интересовали. Эх-х... молодо-зелено! О сложностях и опасностях как раз в первую очередь узнавать следует.

– Я согласен.

– Хорошо. Но сначала нужно пройти собеседование. Расскажешь мне и моему опекуну, Софье Марковне, о своей жизни, о том, как воевал, о своих мечтах и чаяниях. Потом мы с тобой подпишем контракт на пять лет, где будут прописаны твои обязанности по отношению к нам и наши обязательства по отношению к тебе. И лишь после этого приступишь к работе.

Принимать на место, по сути, начальника службы безопасности незнакомого человека, конечно, не совсем разумно, но... других кандидатур на эту должность рядом не наблюдается. Мне ведь подручный довольно молодой требуется, легко обучаемый, неженатый, не закостеневший в своих представлениях о жизни. Желательно не обременённый род-

ственниками и, главное, достаточно умный. Из бизонов, к сожалению, никто не подходит, слишком они молоды. Даже из самого сообразительного – Гришки Сурикова – я командира лишь года через два воспитаю, не раньше.

Так что я решил тогда: информация, накопанная Федькой об уральском казачке, для начала меня вполне устраивает, а на собеседовании Софа всю его подноготную от и до проверит. Она, кстати, очень ответственно подошла к этому делу и «произдевалась» над чубатым по полной. Прошла все пункты, намеченные мною: не был, не состоял, не привлекался, родственников за границей не имеет, в связях, порочащих себя, не замечен. В общем, хорошего парня мы наняли, с обычной для казака этого времени судьбой.

В результате у меня появился первый охранник. Первый полноценный солдат моей будущей армии. Есть теперь с кем летом на равных заниматься, а то Михаила Лукича граф опять с собой к китайцам «в гости» забрал.

О, а вот и чубатый во двор выглянул! Лёгок на помине. Значит, пора на тренировку идти.

– Ты, Бутенко, смотрю, за прошедший год отлично стрелять стал. Сам с револьвером освоился иль кто помог?

– Так знакомец ваш, Ляксандр Патрушев, поспособствовал, вашбродь. Признаюсь, знатно учит.

– Вот новость! И давно ли?

– Зимой взялись.

– По добру ли? Аль за плату?

– Взаимно способствуем, вашбродь. Он мне – с револьвером, я ему – с саблей.

– О как! Мишель, ты слышал? Патрушев-то нашего вахмистра стрелять научил.

– Слышу. Михаил Лукич, а саблю он освоил так же хорошо, как ты револьвер?

– Похуже будет, ваше высокоблагородие. Парнишка он способный, но вам ли не знать: это дело навыка требует.

– Но за жизнь-то свою постоять уже может?

– То да! Рука у него твёрдая, хоть и молод ящю. У нас в красноярской сотне новики и за два года, случается, хуже сию науку осваивают.

– Ясно. Ты, выходит, часто с ним общаешься?

– Бывает, поболее трёх раз за седмицу.

– Пожалуй, и о салоне Софьи Марковны многое знаешь?

– А то как же!

– Пётр, – граф повернулся к поручику, – у нас там ещё пара бутылок хлебного вина с отъезда оставалась, а срочных дел в ближайшее время не предвидится.

– Понял, – с улыбкой кивнул поручик.

Через два часа

– И ты считаешь, Александр во всём слушается Софью

Марковну?

– Да то я, конечно, понимаю вашу тревогу по сердешному делу. Ляксандр Владимирович – юноша сурьёзный, дела споро ведёт, и у него не забалуешь. Но вот о чём бы я хотел вам сказать, так это о его почтении к уважаемой Софье Марковне. И каждый у нас о том знает. Она как мать яму. Всегда даёт пареньку мужской характер показать, но чуть что не по ей, – хорунжий для ясности хлопнул ладонью по столу, – и всем сразу видно, кто на дому главный. Ляксандр лишь голову склоняет и слушает.

– Как мать, говоришь? – Граф задумчиво посмотрел на вахмистра.

– Так то ж видно. И он к ней со всем почтением. У нас и родные-то некоторые без лада в дому живут, а у них, вишь, и чужие, да как родня.

– Мишель, кажется, ты слишком тревожишься о Софье, – встрял в разговор поручик.

– Мне всё же непонятно, почему и она, и Светлана так желали разрешения на брак от Александра.

– Тут, ваше высокоблагородие, верно, и я могу подсказать.

– Говори.

– В салоне ейном все девки манеру хозяйки в пример берут, а Ляксандра Владимировича шибко уважают. Он хошь и молод, а поручкаться с ним при встрече многие желают. Сам Кузнецов Пётр Иванович, наш купец наипервейший, его привлекает. А у Светланы-то отец год уж как на Ангаре сги-

нул, братья мал мала меньше, других родственников нет. И хотела она, стало быть, чтоб мужчина за неё порукой был, ведь в доме его живёт и работает.

– Откуда это ты о родне Светланы знаешь?

– Да у нас, почитай, все обо всех всё знают, к тому ж её семейство рядом проживает. И Софья Марковна, я смекаю, женщина, конечно, сурьёзная и в годах, а неудобно ей было без благословения близких на замужество решиться. Значится, этаким способом она как бы традиции блюла. Ляксандр-то ей не откажет, не-ет.

– Конечно, она ведь опекун, – вставил поручик.

– Вот именно – опекун, и опеку эту она с себя снимать не желает. Ни в отношении Александра, ни в отношении Марии.

– Так и возьми их всех в Петербург.

После завтрака я велел запрягать коляску – надо опять в администрацию наведаться, две недели уже не могу документы на угольный рудник оформить. Местная бюрократия просто на корню гробит все ростки предпринимательской деятельности. И задержка тут даже не в желании каждого чиновника получить взятку, а в их неспособности оперативно реагировать на запросы людей, открывающих новое дело. Ну очень долго раздумывают и соображают, «нужно ли

это городу» и «как бы чего плохого не вышло». Обычные-то дела рассматривают довольно быстро (не больше месяца), а всё новое, незнакомое – у-у-у... Прекрасно понимая, что к нам сейчас благоволит высокое начальство, я с ужасом представляю, как же в такой обстановке выкручиваются простые обыватели, не имеющие покровителей.

Так... на обратном пути не помешает на рынок заглянуть, оценить ход работ по установке павильона. В этом году губернская администрация дала добро на организацию первой в истории Красноярска ярмарки. Мы с Потапом Владимировичем и Софой обсудили новость и решили устроить совместный выставочный павильончик – мастерская атр;салон. Городское начальство эту идею поддержало, место на рынке выделило, для них ведь чем больше товаров на ярмарке будет выставлено, тем лучше. Ну а для нас дополнительная реклама продукции.

Ха, чубатый охранник опять мышей не ловит. Новенькая помощница кухарки, конечно, девчонка фигуристая, но и о деле помнить необходимо. Взял небольшой камушек и с силой запустил его парню в спину. Да-а, болезненная процедура, но так уж устроен человек, через боль до него некоторые вещи быстрее доходят.

Поманил озирающегося казачка пальцем.

– Василий, запомни: каждый раз, когда ты будешь чрезмерно отвлекаться от своих непосредственных обязанностей, тебе в спину или в задницу может прилететь такое вот

напоминание. И со временем размер камней станет увеличиваться. Вижу, злишься на меня. Напрасно. Поверь, в будущем моя наука уберёжёт тебя от многих неприятностей, например от прилетевшего ножа или даже пули. Если бы ты, подавая дрова Анфисе, одним глазом и за двором присматривал, такого конфуза не случилось бы.

Чубатая голова мотнулась, соглашаясь.

– Спасибо за науку, Александр Владимирович.

Я усмехнулся:

– Да пожалуйста, лишь бы впрок пошло.

Он тоже улыбнулся. Кривенько и нерадостно. Ничего-ничего, воспитаю я из тебя настоящего зубра. Куда ты, на фиг, с подводной лодки денешься!

– Ладно, я уезжаю, Софья Марковна по делам за город отбудет, остаёшься в усадьбе за старшего.

Во-о... взгляд сразу стал озабоченным. Ответственность проснулась. Ну может же, когда захочет! Солдат Ерофеев, принятый не так давно на должность конюха и кучера, пока мы болтали, вывел коляску, быстро взобрался на козлы и замер в ожидании окончания нашего разговора. А ловко он со своей деревянной ногой управляется, не хуже других скачет. Прижился инвалид. Нормальный мужик оказался и работу свою знает. На конюшне у него всегда порядок, с лошадами любовь и взаимопонимание, а с дворником Семёнычем они за месяц успели стать приятелями не разлей вода.

В городской управе порадовали: наконец-то оформлены

все бумаги на добычу угля. И тут же озадачили: прежде чем использовать его в качестве горючего материала, придётся приглашать комиссию для оценки «силы выхода искр с печной трубы». Перестраховываются чиновнички – а ну как от местного угля много искр будет через трубу вылетать? Так и до пожара недалеко, а пожар в почти деревянном городе – это страшная сила. Тут с мерами противопожарной безопасности не шутят. Всякое использование огня строго регламентировано: летом дома отапливать нельзя, готовить еду разрешается осторожно (при слабой растопке) или в летних кухнях во дворе, а регулярная прочистка работающих печных труб стоит у полиции на жёстком контроле. Даже курить на улице нельзя и на чердак собственного дома с открытой зажжённой свечой подниматься не разрешается.

Блин, а где ж мне теперь рабочих на угольную шахту найти? Лето, все свободные мужики разбежались кто куда, на заработки. Основная масса горожан, способная держать лопату и кайло, ушла на золотодобывающие прииски, многие на Енисей подались, рыбу ловить да баржи с товаром проводить. А некоторые, что интересно, официально записанные городскими мещанами, занялись сельским хозяйством. Они так и говорят: «По крестьянству мы, хоть в городе живём». И оторвать мужиков от дел, в которые они уже впряглись, почти невозможно. Для постройки двух зданий мы с Панкратом Алексеевичем народ загодя нанимали, и то сейчас, через два месяца после начала укладки фундамента, приходится

подростков на доработы привлечь. Слишком масштабное строительство затеяли, не учли всего.

Думал, с приходом тёплых деньков количество проблем уменьшится. Ага... фигуршки! Всё как всегда: решишь одну задачу – сразу вырисовывается другая. Довели до ума обжиг кирпичей, и стала ощущаться нехватка хороших каменщиков. Поставили на поток производство косметики, а половина дам с наступлением лета разъехалась по загородным дачам. И если излишки мыла и шампуней купцы с удовольствием разбирают, то изготовление кремов мы вынуждены приостанавливать – срок годности у них маленький, быстро портятся.

Эх-х... Так иногда хочется махнуть на хозяйственные заморочки рукой и послать все дела подальше! Пойти на речку с удочкой и проторчать там с недельку. Куда я рвусь? Чего мне не хватает? Устроился вроде прекрасно. За полтора года разбогател, дом построил, работу по сердцу нашёл, друзьями и знакомствами обзавёлся. Кажется, наслаждайся жизнью да радуйся! Не-ет, всё лезу из кожи вон, стремлюсь в дальние дали, будто меня что-то изнутри подзуживает и подталкивает. А зачем стремлюсь? Зачем? Вот вопрос...

Не пора ли осмыслить планы на будущее? Наметить цели. Ну... хотя бы примерные. Не производственные, а... по жизни, что ли. Кем бы я хотел видеть себя в старости? Российским олигарх-хреном? Миллиардером-пофигистом? Наипервейшим министром? Или серым кардиналом

при дворе его величества? А может, самому величеством стать? В какой-нибудь бананово-лимонной Лилипутии.

Ха, Сашок, а не махнуть ли тебе просто на Гавайские острова? Бери Машку под мышку, и вперёд. Ты ведь не бывал на Гавайях. Представь: солнце, море, золотой песочек, а на нём красивые девушки танцуют хулу и зазывающе на тебя посматривают. Станешь в своё удовольствие доски для сёрфинга строгать и... детишек. Научишься рассекать крутую волну с туземцами. Как в раю жить будешь. А на склоне лет в окружении огромного потомства начнёшь сказки о будущем рассказывать, веселя внуков и правнуков.

Вот только... что с памятью делать? Не даст она спать спокойно. Да и с друзьями, здесь обретёнными, расставаться неохота. М-да, видимо, мысли о беззаботной жизни придётся оставить. Там, откуда я свалился, было проще: жил для себя, для родных, для друзей и надеялся на лучшее. Память не давила на совесть жестоким прессом послезнания. А тут...

Как Верещагин в фильме «Белое солнце пустыни» говорил: «За державу обидно». Очень верная мысль, хорошо отражающая моё отношение к истории отечества. От масштабности неприятностей, выпавших на долю России, порой оторопь берёт. Ни одному другому государству на планете Земля столько «чудес» не перепало. Хочется исправить многое. Но как?

Я не страдаю юношеским максимализмом и не смотрю на мир сквозь розовые очки, поэтому прекрасно понимаю:

изменить историю очень трудно. ОЧЕНЬ! И, даже изменив что-то, можно в конце концов прийти совершенно не к тем результатам, которые ожидал. При этом неважно, нашёптываешь ли ты царю планы гениальных преобразований империи, или застраиваешь её всю фабриками и заводами, – итог может быть такой же, как и в реальности, из которой я сюда переместился, а то и хуже.

В жизни государства, какое бы оно ни было, всегда имеется много сдерживающих факторов, борющихся с любыми изменениями существующих порядков, и самый главный из них – это то, что большинство людей предпочитает стабильную жизнь, без потрясений и катаклизмов. Революционный лозунг «Верхи не могут править по-новому, низы не желают жить по-старому» по своей сути упрощение, не отражающее истинного положения вещей. Всё, к сожалению... хм... или к счастью, намного сложнее. Чтоб в одна тысяча девятьсот семнадцатом году царизм канул в Лету, всему миру пришлось постараться – и внутри страны, и за её границами. Много лет царь Николай II откровенно тупил, и все, кому не лень было, «лодку» раскачивали. А результат? Думаю, никто не ожидал увидеть того, что получилось. Даже коммунисты.

Отсюда следует: если хочешь добиться задуманного, любое преобразование готовь комплексно – и сверху, и снизу, и сбоку, и, коли уж на то пошло, сзади. То есть нужно искать рычаги воздействия и на царя, и на промышленников, и на интеллигенцию, и на крестьянство, и уж тем более на ре-

волюционеров. О... и не забывать контролировать действия иностранных государств.

Честно говоря, задача для одного человека просто непосильная. Нужны единомышленники. Сплочённая команда.

Мои размышления о светлом будущем были прерваны самым неожиданным образом. Во дворе нашей усадьбы, не успел я даже с брички сойти, ко мне в ноги кинулась зарёванная Ольга – девушка из первого набора косметологов, проживающая у родителей. Она сегодня перед обедом домой отпросилась, и там её «обрадовали» скорой свадьбой, но не с тем, с кем намечалось ранее. Ванька Капышев, парнишка из бизонов, давно ей знаки внимания оказывал. Неделю назад вроде срослось у них всё. Парень и с отцом её договорился, тот уж добро на засылку сватов дал, только вмешался дед, глава рода, – другого жениха нашёл, побогаче, но, по словам Ольги, противного и нелюбого.

Да-а, ситуация неприятная, но я-то тут чем помочь могу? Это Софу надо просить повлиять на дедулю, она быстро настроит его должным образом. И тут выясняется, что её-то как раз дома и нет, уехала за город для организации сбора полезных трав и до сих пор не возвращалась. Вернётся лишь к ночи, а сваты после обеда нагрянут. Ударят они с дедом по рукам, и возврата назад уже не будет. Чёрт, плохо дело. Пойти поговорить? Так, боюсь, меня никто и слушать не станет – молод ещё. Ольга белугой ревет и молит о заступничестве. Во девку прижало-то! Что ж за женишка ей там такого про-

тивного подобрали?

Ладно, присели на завалинку, и я её подробно расспросил. Оказалось, дедуля спелся с каким-то торгашом и решил с ним породниться. Торгашами, кстати, здесь мелких купчиков называют, не имеющих своей лавки. О-хо-хо... серьёзно всё... не факт, что Софа справится. Придётся идти. Если уж я не могу защитить будущее своих работников и приятелей, то грош мне цена и об изменении истории думать нечего.

Как и ожидалось, разговор с родственничками Ольги не сложился. Сначала на входе два молодых жлоба нелюбезно встретили, и я был вынужден чуть ли не силой в дом пробиваться. Потом отец, не слушая, махнул рукой и ушёл из горницы, а следом и дедуля окатил презрением: мол, видал он всяких молоденьких барчуков в гробу в белых тапочках и разговоры ему с ними вести ну прям запаadlo. Длинный, паразит, головы на две выше меня.

Пытался я о совести, о жалости ему говорить, о перспективах Ольги как работника, деньгами прельщал – всё впустую. Не слышит. Стою злой, задрав голову вертикально вверх, а дед, пользуясь своим ростом, смотрит на меня сквозь усы и, похоже, усмехается. Вот гад! Рука сама уцепилась за бороду и дёрнула вниз. Не ожидавший такого хамства дедуля пригнул голову, оторопело уставившись мне в глаза, и сразу ринулся вырывать свою куцую бородёнку из моего кулака. Я, в свою очередь, постарался этого не допустить. Так

и замерли в молчаливом противодействии. А силён старик! Но и я уже не слабак.

Во взгляде дедули проступило удивление. Что, пень замшелый, почувствовал, власть над внучкой к другим уходит, и собрался её приструнить? Накатила волна ярости. Я почти прорычал ему в лицо:

– Ольга наш человек. Мы теперь за неё отвечаем.

Что-то промелькнуло в его глазах. Или показалось?

– Не по закону!

Ах ты ж, законник хренов!

– Её договор почитай. Там ясно сказано: без нашего согласия свадьбе не быть. Ваши кресты под ним при свидетелях ставлены. Да я вас всех засужу! На каторге сгниёте!

Честно говоря, засудить по договору можно лишь саму Ольгу и отца её, но старик-то об этом не знает – неграмотное у них семейство. Он ещё поборолся со мной и натужно выдал:

– Сватами за неё деньги плочены.

Чёрт, да он продал внучку! Это меня взбесило окончательно.

– Сколько?

– Тридцать рублёф.

Я резко отпустил бороду. Сознание опять сделало выверт: на смену ярости пришло ледяное спокойствие. Видать, что-то он прочитал на моём лице, больно уж резво отпрянул.

– Вечером занесут. Отдашь... И не дай бог подобное по-

вторится.

Развернулся и вышел. Великовозрастные детинушки в сенях шарахнулись в сторону от одного моего взгляда. Ох, как захотелось на ком-нибудь злобу выместить! На худой конец, дверь ногой выбить, ворота завалить, покуражиться от души хотя бы над неодушевлёнными предметами. Но удалился я нарочито аккуратно. Дурак, надо было Софу дожидаться, она б конфликт тихо-мирно разрулила, несмотря на дурацкую помолвку. Старый пенёк даже рад бы остался, что такая женщина его визитом удостоила.

Чёрт... о чём я? Да сколько можно в житейских вопросах за «широкую» спину Софьи Марковны прятаться! Не-ет, правильно я всё сделал, хоть и паршиво. Но, главное, своего добился. Ещё раз попробовал прокрутить в мозгу беседу от начала до конца, но вариантов спокойного развития событий так и не нашёл. Да-а, дипломат я фиговый. Ай, да какая там дипломатия! Дед же назло мне действовал, по глазам было видно. Ольга говорила, он к дворянам с крепостных времён очень плохо относится, но я не ожидал, что настолько. Непонятно это. Вообще, в городе нас уважают и богатые, и бедные, а тут столь ярое презрение. Непонятно. На всякий случай Ольгу к нам переселим, от греха подальше.

– Санька... о свадьбе дружка своєю забудь.

– Да как же ж это?!

– Да вот так! И деньги ихни обратно снеси.

– А чё сказать-то яму?

– Скажи, Ольга из рук вышла, пущай сам её уламывает под венец идти... И с бешеным этим сам разбирается.

Глава 2

Одним из последствий предсвадебных разборок стало моё твёрдое желание любыми доступными путями начать вмешиваться в ход исторических событий. До этого я намечал лишь некоторые загибы девятнадцатого века выпрямить, но после встречи с дедом Ольги акценты изменились. Ох и завёл он меня! Масштабно теперь возьмусь историю править, по всем направлениям. Нельзя в таком деле полумерами ограничиваться. И мне уже не важно, смогу ли добиться коренных изменений в будущем, или все старания сгинут в вихре войн и революций. Я принял решение, и будь что будет. Надо же, зацепил дедуля тонкие струны моей души... на свою голову. Чтоб ему ни дна ни крыши!

Долго не мог успокоиться. До приезда Софы сидел в своей комнате и брэнчал на гитаре. Пару раз заглядывала Машка, молча присаживалась рядом и, немного послушав, как я мучаю инструмент, так ничего и не спросив, уходила. Нашей старшей поздно вечером поведал новости во всех подробностях. Думал, опять отчитает, нет – похвалила. Сказала: «Молодец... вырастешь». И ведь не шутила, бли-ин. Потом, правда, высказала своё ай-яй-яй в отношении таскания пожилого человека за бороду, но уже чисто формально и без энтузиазма.

М-да, что-то я в последнее время стал чувствовать себя

ребёнком рядом с Софьей Марковной, несмотря на весь свой опыт и цинизм. И даже не пойму, как пришёл к жизни такой. Помнится, в первый раз похожие ощущения накатили, когда разбирался с предложением графа о браке. Ох и зол же я был тогда на Софу! Желание выставить меня старшим в доме казалось огромной глупостью. Зашёл к ней в комнату перед сном, выразить накопившееся недовольство, и... возмущение растаяло в сиянии её глаз. Накатила такая радость за это восторженное чудо, что о заготовленных ругательствах забыл начисто. Все претензии представились такими мелкими и не заслуживающими внимания. У человека после стольких лет разлуки возлюбленный нашёлся, а я тут со своим гонором лезу.

В результате просто присел рядышком и поздравил её с наметившейся свадьбой. Она улыбнулась и поблагодарила:

– Спасибо тебе! Век признательна буду за счастье, мне данное.

– Не за что, София. – Сам не знаю, почему назвал её по-новому. – То Галина всё предсказала.

– Она предсказала, да ты сделал.

Я кивнул, соглашаясь, и поинтересовался:

– Как жить собираетесь?

– Наверно, ты хотел спросить, как мы все дальше жить станем?

– Ну да.

– Да так же, как и жили. Или ты против?

– Я-то нет, но граф тебя в столицу увезти захочет. И опекунство надо мной и Марией пожелает с тебя снять, переложив его на любого другого.

– Ты неправ! Но даже если бы прав был, то что это меняет? Мы можем жить где угодно. Полагаю, и сам ты в скором времени захотел бы в Москву или Санкт-Петербург перебраться.

– Здесь много дел начато.

Во взгляде Софы появилась лёгкая грустинка.

– Количество дел, нами начатых, со временем лишь возрастет. Мы себе такую судьбу выбрали. Ты же знаешь, любой купец, пекущийся о состоянии проектов своих, по всей России не переставая ездит, дела справляя. И тебе, как вырастешь, в разъездах часто суждено бывать, и мне с Марией тоже. Но... Красноярск мы всяко заботой не оставим. Первое время каждое второе лето сюда наведываться придётся, только жить всё же лучше в столице – там больше возможностей для осуществления замыслов наших.

– Каких замыслов?

– Не ты ли жаловался недавно, что не получается здесь многое из задуманного сделать?

– Да, было такое.

– Вот и мне трудно становится: знаний ни по медицине, ни по химии не хватает, и учиться новому тут не у кого. Да и Марии следует продолжить обучение, она быстро в науках продвигается. Средствами мы не стеснены и в столице к де-

лам некоторым почти сразу приступить сможем. Для второго косметсалона персонал подготовлен. Конечно, мы намечали его в Иркутске открывать, но можно ведь и в Санкт-Петербурге. Девушки возражать не станут.

Хм, как-то... неожиданно. Я уж на долгую разлуку настроился, о переезде в столицу даже не помышлял. Естественно, если наше совместное житьё-бытьё продолжится, я буду очень рад, но нужно взвесить всё хорошенько, это ж не хухры-мухры, а изменение всех планов.

– А граф согласится?

– Ты о нём не думай. Думай о том, как жизнь далее устроить хочешь.

Да чего тут думать? В первую очередь займусь в Петербурге штамповкой ламп по образцу и подобию производимых в мастерской. Станки начну на заказ делать... проволоку. Стоп... я что, подсознательно на поездку уже согласился?

– Знаешь, не готов я сейчас к разговору о переезде. Давай обмозгую всё, а осенью мы с тобой опять к этому вопросу вернёмся.

– Хорошо.

Да-а уж! Задали тогда задачку. До сих пор не могу её решить. Очень хочется поехать, но и оставлять насиженное место жалко – огромное количество задумок не реализовано. К тому же для жизни в столице деньги надобны, и деньги немалые, а золотодобыча у меня пока не налажена. На какие шиши, спрашивается, в Питере заводы строить? Есть ли вооб-

ще смысл в отъезде? Я, конечно, после того разговора сразу прикинул все наши финансовые возможности, и они вроде бы неплохи, но принятие окончательного решения мне всё же пришлось оставить на осень. Посмотрим, сколько золотых приисков удастся зарегистрировать.

Свадьбу Ивана и Ольги отпраздновали через две недели. Народу, несмотря на полупустой город, пришло много. Нас с Софой «назначили» почётными гостями. Ну, ничего странного в этом нет, тут так принято: работодатель всегда почётный гость, даже если его видеть никто не желает. Да мы и привыкли уже, на именинах косметологов и бизонов постоянно приходится роль свадебных генералов играть. Вместе с родителями Ольги на разгуляево как ни в чём не бывало заявился и её дедуля, чему я сильно удивился. Первый мне руку подал, при этом улыбался и кланялся, а уж как водку, гад, жрал и тосты произносил, любо-дорого было посмотреть. Остаётся лишь поражаться тому, что с некоторыми людьми таскание за бороду делает. Прямо другой человек стал! Хоть картину с него пиши – «Старый добрый дедушка напутствует любимую внученьку».

И потекли у нас дальше рабочие будни своим чередом. Получили последнюю партию металла с Абаканского завода, вместе с десятипудовой чушкой для нового парового молота. Теперь можем проковкой больших деталей заняться. Вид у этого агрегата несколько непривычен моему взгляду: чушка закрепляется на конце здорового бревна, и вся кон-

струкция напоминает огромный молоток, рукоятка которого на шарнире крепится к полу. Привод паровой машины поднимает чушку вверх, потом следует сброс, и шестидесятикилограммовый «молоток» дубасит по наковальне. Стоит признать, работает механизм на удивление хорошо, хоть и медленно, Потап Владимирович и кузнецы от него просто в восторге. Представляю, как они посмотрят на молот века двадцатого, если я его всё-таки сделаю.

Взяли заказ от местного стекольного завода, расположенного в сорока пяти верстах от Красноярска, его владелец позарился на дешевизну наших паровых машин. Долго торговались и согласились в конце концов на бартер: мы им поставляем разнообразное железо, а они нам – оконное стекло. Четырёхэтажку и ремесленное училище застеклить надо? Надо. Вот и начнём обмен организовывать. По моим прикидкам, процентов тридцать свободной наличности я на этом сэкономлю. Попытался заодно заказать стеклянные плафоны для керосиновых ламп, но оказалось, в изготовлении они пока дороже обходятся, даже чем наши сборные. Попробовал заинтересовать владельца завода большим и, главное, регулярным объёмом заказа, на что услышал вполне ожидаемый ответ: будут думать и считать. Ну-ну, пушай считают и хорошенько думают, количество продаваемой продукции у нас неуклонно возрастает.

Для производства корпусов ламп я смастерил винтовой пресс, всё с тем же приводом от паровика, и отныне со всеми

операциями по штамповке справляется один четырнадцатилетний пацан. Правда, есть у меня опасения, что он себе руки отдавит, больно уж быстро работа идёт – трое лудильщиков за ним не успевают. Но тут уж ничего не поделаешь, в мастерской всегда есть риск получить травму. Правила техники безопасности мы с напарником настойчиво в головы рабочим вбиваем и следим за её исполнением очень строго, только не все понимают, насколько это важно.

Посмотрев на быстроту отковки деталей судового механизма с помощью нового молота, мы с Потапом Владимировичем задумались об изменении наших планов. Почему бы не устроить спуск парходика купца Кузнецова на воду не следующей весной, как договаривались, а этой осенью? Деревянный корпус корабелы обещали собрать к сентябрю, можно договориться об установке паровой машины и остальной механики на него сразу. До заморозков проведём ходовые испытания и, если проблем не будет, сдадим Петру Ивановичу судно с рук на руки на полгода раньше срока. Ну а зимой пусть уж он сам за ним следит.

Да, замысел был хорош, и Кузнецов не возражал против такого развития событий, но подкачали смежники: они, видите ли, посчитали, что корпус смогут обшить и в конце сентября, а смолить уж зимой станут. Я так понял, ребята срочную халтурку нашли и основной заказ решили отодвинуть на потом, но тут им не свезло. Больше всего смещение сроков не понравилось Петру Ивановичу. Впервые я его разъярён-

ным увидел. Ох, какой вулканчик дремал и вдруг проснулся. Жуть! Я дал себе зарок на будущее никогда не сердить этого... душевного человека. Он, бедолага, переволнуется, а после инфаркт случится... у кого-нибудь.

В результате нагоняя «судоверфь» смежников заработала в авральном режиме. Быстро они забегали, буксирчик прям на глазах преобразаться стал. Глядишь, в начале августа и мы начнём свои железяки подвозить и устанавливать. Хотя, на мой взгляд, у них беготни бестолковой слишком много. У нас в мастерской всё же значительно лучше работа поставлена, каждый чётко знает своё место и свои обязанности, а тут – м-м... Им явно администратора хорошего не хватает. Вообще, я заметил, народ здесь, в Красноярске, двигается как-то... неэнергично, что ли. Наблюдая за местными, ощущаю некоторую ленцу в движениях. Но это не лень, просто живут люди в другом ритме. Интересно, это век так сказывается или провинциальная патриархальность?

Однако бывают исключения из правил. Вот Фёдор Панкратович, управляющий моим кирпичным заводом, последнее время постоянно радуется и порой даже поражает своей кипучей деятельностью. Такие живчики, как он, редко встречаются. Теперь я его только по имени-отчеству и называю, несмотря на конфуз с первой партией кирпичей. В свои двадцать семь лет парень знает и умеет гораздо больше, чем многие сорокалетние мастера. Целыми днями, а бывает, и ночами, он занят: то по округе носится в поисках новой гли-

ны, песка или ещё какого-нибудь строительного материала, то на заводе за обжигом надзирает и кирпичи испытывает, то ко мне с вопросами пристаёт, то с умным видом записи ведёт. За всё время нашего общения ни разу не видел его отдыхающим.

Но надо признать, один недостаток он имеет: натура у него уж больно увлекающаяся. Взявшись за управление моим заводом, эксперименты с ходу затеял – с составом кирпичной смеси, с раскладкой кирпичей для обжига, с температурным режимом, причём со всем сразу в первой же закладке. Спешил он, видите ли. Боялся, чудик, что я не позволю ему новое изобретать. В итоге получил кучу брака и по мордасам от папаша. Слава богу, такие проколы редки, и если его в меру контролировать и периодически вытаскивать из облаков, в которых он часто витает, то можно добиться просто поразительных результатов: в брак нынче не более одного процента кирпичей уходит.

Кроме того, из Фёдора, как из рога изобилия, постоянно интересные предложения сыплются. И по обустройству самого завода, и по снабжению, и по производимой продукции. С его подачи мы начали делать отличные землебитные блоки для возведения новых цехов, по прочности сравнимые с кирпичной стенкой, но по себестоимости дешевле её раза в три. Да что там цеха, с помощью этих блоков спокойно можно двух- и трёхэтажные дома строить. Это ж какая экономия пойдёт, когда я за судоверфь возьмусь! Там ведь домиков

для рабочих уйму придётся понаставить. Ещё он наладил изготовление огнеупорных кирпичей и тиглей для литейного цеха, а недавно посоветовал вложиться в постройку цементного завода – мол, хорошее дело и архинужное. Как будто я и сам этого не знаю. Да где же денег-то на все задумки взять?

Ещё весной, узнав от Панкрата Алексеевича о том, что штукатурка стен в Красноярске поднимает стоимость строительных работ по дому как минимум на десять процентов, я решил от неё отказаться. По этой причине, кстати, большинство кирпичных домов в городе стоят неоштукатуренные, и так как кирпичи, из которых сейчас в Сибири дома строят, смотрятся слишком... страшненько и неказисто, то, соответственно, и общий вид зданий тоже не впечатляет. В сравнении с ровными стенами многоэтажек будущего нынешние кирпичные фасады проигрывают по всем параметрам.

Помог в этой ситуации опять-таки Фёдор. Я лишь высказал ему свои пожелания о красивых облицовочных кирпичях с пустотами внутри (для лучшей теплоизоляции), и через месяц они у меня были. На загляденье ровненькие, гладенькие, с лёгким глянцем. Стоят красавцы, конечно, дороже обычных, ну так красота всегда жертв требовала. Панкрат Алексеевич, увидев их, только языком поцокал и тут же предложил сделать белую затирку швов меж кирпичами на фасаде здания, чтобы уж совсем отпадно дом выглядел. А что? Я согласился. Пущай народ восхищается, глядя на нашу четырёхэтажку.

Да-а, есть настоящие мастера в России, никогда эта земля не оскудеет талантами. Необходимо лишь хорошенько искать их, а найдя, создавать им оптимальные условия для работы. Сколько русских гениев мы знаем? Много. А сколько не знаем? Ещё больше. А почему? Да потому, что жизнь наша иногда очень тяжела, не каждый может добиться известности, преодолевая препоны обстоятельств. Даже раскрыть свой талант порой трудно. Многое от удачи зависит, не всем суждено оказаться в нужное время в нужном месте.

Пожалуй, пора мне браться за «пионерский» отряд с городских окраин, вдруг и среди них какой-нибудь гений затесался.

В августе у Софы появился новый учитель. Во всяком случае, она так утверждает, хотя кто из них кого больше учит, ещё разобраться надо. К портновскому семейству, нашим друзьям и соседям, проездом заглянул знакомый – отставной губернский ветеринар из города Енисейска Фёдор Иванович Бострем. Направлялся он в столицу, куда был определён ветеринаром Санкт-Петербургского скотопригонного двора, но, столкнувшись с нашей старшей и зацепившись с ней языками на медицинские темы, решил на пару недель задержаться. Его жена, Елизавета Петровна, с радостью на это согласилась – наш салон ей очень приглянулся. И вот два увлечённых медициной человека неделю уж как из действительности выпали, живут где-то в своих мирах и на грешную

землю спускаться категорически отказываются.

Я сначала над ними посмеивался, а потом и пугаться начал. Фанатики, блин! Целыми днями торчат в лаборатории косметсалона – то ругаются, то с умным видом что-то варят. На обедах отвечают невпопад, едят почти механически, а победав, опять бегут в лабораторию. Вечером Фёдор Иванович менторским голосом диктует свои умные мысли, а Софа их записывает, через полчаса смотришь – уже наоборот. Ай, ладно, чем бы знахарки с докторами ни тешились, лишь бы дом не взорвали. Надеюсь, что-нибудь полезное от их союза родится. Хм... в смысле медицины.

А сегодня Машка, заглянув ко мне после обеда, заявила: – Софья Марковна собирается нанять учителя латинского языка. Давай вместе с ней учиться.

Ха, делать мне больше нечего!

– Не-е. Некогда.

– Ну, Са-аша, ну дава-ай.

– Дел куча. Да и ты с этим поосторожнее. – Я решил пошутить, чтоб от неё отвязаться: – В Америке, говорят, один нерадивый студент, изучая латынь, демона вызвал.

У сестрёнки глаза распахнулись во всю ширь, а личико вытянулось.

– Как это?

– Да просто. Коверкал-коверкал слова и вместо нормальной латинской фразы произнёс заклинание вызова тёмных сил.

Для убедительности я поднял руки и зловещим голосом стал декламировать одно из запомнившихся в юности изречений:

– *Benefacta male locata malefacta arbitror*⁵.

Забавно было по ходу дела наблюдать, как у Машули рот открывается всё шире и шире. Для пущего эффекта решил акцентировать концовку:

– БУМ!

Она отпрыгнула на полметра, а я опустил руки и с сожалением произнёс:

– Эх-х... не получилось.

– Что не получилось?

– Демона вызвать.

– Ты что, дурак? А если б получилось?

– Ну, сделали бы его ночным сторожем.

Малявка захлопала глазами:

– Почему ночным сторожем?

– Так он темноту любит. А днём ему плохо, нельзя демону днём работать. Пусть уж, пока светло, спит в подвале.

– Да как ты его вообще работать заставишь?

– Тю-ю, ты вон даже моих ребят азбуке почти выучила.

Неужели какого-то демона к работе не приставишь?

Такая кощунственная мысль перемкнула воображение Машули, и она конкретно зависла. Глядя на её потуги пред-

⁵ Благодеяния, оказанные недостойному, я считаю злодеяниями (*лат.*).

ставить работающего сторожем демона, я не выдержал и заржал в голос. И, конечно же, сразу был наказан. Ох, ё! Какие-то неправильные у неё кулачки – вроде маленькие, но о-о-острые. Пришедшая в себя и рассвирепевшая мелкая жуть повалила меня на кровать и принялась топтать и мутузить. Через пару минут такого садизма я уже готов был согласиться на что угодно, лишь бы избавиться от этой вредины.

На моё счастье, в комнату вовремя заглянула Софа.

– А что это вы тут делаете?

Сестрёнка как ни в чём не бывало слезла с меня и голосом пай-девочки ответила:

– Я уговаривала Александра присоединиться ко мне в изучении латинского языка.

– Да-а? – выгнула бровь наша старшая. – И он согласился?

– Конечно! – беззастенчиво соврала малая, а мне за спиной кулак показала.

У-у-у, кажется, я всё же буду изучать латынь.

Софа, проводив взглядом выходящую из комнаты Машулю, посмотрела, как я, потирая бок, сажусь на кровати, и улыбнулась:

– Александр, раз уж ты пожелал освоить латинский, то я хотела бы попросить тебя послушать наши с Фёдором Ивановичем обсуждения заболеваний и методов их лечения. Это может натолкнуть тебя на какие-нибудь воспоминания.

Да, мысль интересная. Настоек, с помощью которых мы с Софой копались в моей памяти, я уже три месяца не упо-

требляю (по мнению нашей старшей, это стало слишком опасным для моего здоровья), но вот ассоциативные воспоминания у меня постоянно всплывают. Я теперь везде с блокнотом хожу. Очень удобно: вспомнив что-нибудь интересное, сразу записываю. Причём неважно что, лишь бы это было полезным и могло пригодиться в дальнейшем.

– Хорошо. Сегодня же вечером присоединюсь к вам. Скажу, заинтересовался методами лечения оспы.

Как только дверь за нашей старшей закрылась, я бодро вскочил с кровати и замер. Чёрт! На свидание ведь собирался, когда Машка заявила. Как мог забыть? Ох уж эта сестрёнка! Умеет она память отбивать. Нужно поторопиться, Любовь Сергеевна во всех отношениях цветочек нежный, но опоздания редко прощает. А если мне ещё и уйти пораньше от неё придётся – для бесед на медицинские темы, – то наверняка обидится и перекроет много о себе возомнившему юноше доступ к аппетитному телу как минимум на недельку.

Не смертельно, конечно, но... Оно нам надо? Я быстро осмотрел себя. Вроде нормально выгляжу, рубашку малявка малость помяла, но под пиджаком её не видно. Главное, чтобы костюмчик сидел, остальное не важно. Ну всё, можно идти.

Три недели назад, ненадолго заглянув на «чай и чтение стихов» к одной вдовой дворянке (из тех, что мной интересовались), я никак не думал, что чаёк довольно быстро пере-

ведёт нас в горизонтальную плоскость и не стихи мы станем изучать, а прозу жизни. Надеялся, естественно, но так сразу не ожидал. Как-то не вязалось у меня в мыслях жеманное поведение Любви Сергеевны на людях с её пылким отношением к мужчинам наедине.

Если говорить грубо, то меня просто поимели где-то на двадцатой минуте разговора. Роль мальчика-одуванчика даже играть не пришлось, настолько я был ошарашен её напором. Переход в лежачее положение прошёл так быстро, что в памяти остался лишь калейдоскоп картинок: вот мы сидим и заинтересованно рассматриваем друг друга, вот она резко падает в мои объятия и чуть ли не душит, целуя, вот оба рухнули на диван, причём она оказалась сверху. Последовал град страстных поцелуев, и, пока я с трудом пытался добраться до её верхней выступающей части тела, моя нижняя часть была с лёгкостью прихватизирована и обеспечена работой. Энергично так, со знанием дела. Процесс несколько подпортила моя преждевременная концовка, но даму это не остановило. Она бодро продолжила начатое, разожгла «огонь» по новой и довела дело до своего логического завершения, уже совместного.

«Да-а... это я удачно зашёл», – подумал я, плавая в нирване. Приятная тяжесть обмякшего женского тела добавляла эйфории и продлевала наслаждение. Постепенно приходя в себя, я постарался осмыслить произошедшее. Чёрт, давно такого не испытывал. У этой женщины энергии больше, чем

у разогнавшегося паровоза. Сколько экспрессии в одном порыве, офигеть! Застоялась лошадка? Или я стал забывать, как оно бывает в постели с некоторыми тридцатилетними? Привык перед переносом к размеренности и более спокойному сексу? Надо, Саша, вспоминать молодость. Ой как надо! А то и завели тебя с полтычка, и кончил ты в первый раз не разогревшись. Хотя, конечно, у подростков это не редкость, а некоторым дамам такие неожиданности даже нравятся. Не удивлюсь, если вдовушка потом и гордиться станет: вот, мол, какая я сексуальная, парнишка едва до груди добрался, сразу кипятком писать пошёл.

Немного неожиданно встретить в девятнадцатом веке, да ещё в провинции, столь раскованное поведение женщины, пусть и дворянки. Но... что я знаю о современном сексе, флирте и половом общении? Да ничего! Рассказы деревенских парней и красноярских бизонов, можно сказать, не в счёт, они смотрятся детским лепетом младших школьников двадцать первого века. А купчиха, с которой довелось пообщаться в постели ранее, с её уроком семейного естества – это ж просто ужас, отбивающий у нормальных людей всякое желание продолжать сексуальные контакты.

Хм... раз в Сибири имеются настолько раскрепощённые дамы, то что ж я увижу в столице? Прямо теряюсь в догадках!

Несколько минут отдыха вполне достаточное время для того, чтобы отдышаться и набраться сил. Воскресшая Любовь вновь принялась покрывать моё лицо жаркими поцелу-

ями, но тут уж я перехватил инициативу и, положив её рядом, стал, осторожно лаская, раздевать. Может, в одежде на скорую руку и неплохо получилось, но хочется ведь и женское тело в руках почувствовать. Ощутить нежность кожи, вдохнуть её запах, погладить, слегка сжимая в особо понравившихся местах, прикоснуться к ней губами. Оценить, наконец, грудь, её налитость и вкус, ну а заодно и отдохнуть подольше. Мужской половой орган – это ж не пулемёт, очередями стрелять не умеет, ему определённая перезарядка требуется.

Действовал без спешки, с чувством, с толком, с расстановкой. О-о, предчувствия меня не обманули, одежда скрывала довольно симпатичную фигурку. И всего-то у неё в меру – именно тот вариант, который я больше всего предпочитаю. Жаль, долго любоваться открывшимися картинками мне не дали, не за этим в кровать затаскивали. Ну, если дама просит, то кто я такой, чтобы возражать? И наш первый чудный совместный вечер пролетел почти незаметно, оставив после себя лишь полное удовлетворение, и физическое, и моральное.

Уже одеваясь, услышал похвалы в свой адрес: сказали, что мальчик я способный и такого стоит учить дальше. Ничего себе! Оказывается, это шло обучение, да так, что я еле на ногах стою. В таком случае не дай боже учёбе превратиться в работу, я ж тогда помру от истощения. Ха... да уж... Но и отказываться от дальнейших встреч не вижу смысла, несмот-

ря на всю «тяжесть» этого процесса. Когда попаданцы трудностей боялись? Не помню такого. Не-ет... попаданец всегда должен героически с ними бороться, будь то прогрессорство, борьба с орками или удовлетворение женщин.

Встречаться нам удаётся не чаще двух-трёх раз в неделю, на большее, к сожалению, у меня времени нет. Я стараюсь постепенно добавлять остроты и новизны в наши сексуальные опыты, и меня, похоже, начинают воспринимать уже как молодого энтузиаста любовного фронта, которому до Казановы пока далеко, но он идёт в правильном направлении.

Мы строим планы, а жизнь их рушит. Всё-таки не суждено было мне сегодня попасть в нежные ручки Любви Сергеевны. Спускаясь по лестнице, я столкнулся с отправленной по мою душу горничной. Софья Марковна приглашала в гостиную – к нам проездом из Питера в Иркутск заглянула одна известная купеческая семья, глава которой хочет поговорить со мной о строительстве пароходов.

Чёрт, свидание накрылось медным тазом. Опять дела зовут, какая ж тут любовь. Пришлось отправить к вдове пацана из Федькиной банды с запиской. Обидится вряд ли, здесь дамы понимают, что бизнес идёт прежде всего, но некоторая холодность при следующем свидании мне всё же гарантирована.

Интересовался постройкой пароходов очень богатый иркутский купец – Сибиряков Михаил Александрович, один

из владельцев «Ленско-Витимского пароходства Базанова и Сибирякова». Причём пароходство лишь малая часть его финансовой империи, созданная в помощь основному делу – золотодобыче. Он совладелец предприятия с колоритным названием «Компания промышленности в разных местах Восточной Сибири», которая является одной из первых по объёму добываемого золота в Забайкалье и Якутии. Недавно открытые Бодайбинские прииски золотой рекой наполняют кошелёк Михаила Александровича. Он с компаньонами так хорошо там развернулся, что даже железную дорогу построил. Без паровозов, правда, на одной конной тяге, но это дело наживное. Мне, кстати, про него наш губернатор, Аполлон Давыдович Лохвицкий, много чего занимательно-го порассказал, он в бытность свою губернатором Якутии с Сибиряковым часто сталкивался.

Купец заехал к нам, совмещая приятное с полезным: у него работа, а у жены и детей культурная программа – осмотр достопримечательностей Красноярска. У нас ведь тут теперь и первый в Сибири косметсалон открылся, и первая четырёхэтажка строится. Прогресс и цивилизация в одном флаконе, однако!

После взаимных приветствий и расшаркиваний мы с главой семейства и его старшим сыном поднялись наверх, о делах поговорить. Жену же, Варвару Константиновну, и младших детей оставили в гостиной на попечение Софьи Марковны.

Сынок купца мне понравился – вежливый, культурный парнишка, двадцати лет от роду. Сюда прибыл напрямик из Швейцарии, где учился в Политехникуме города Цюриха. Зовут, как и меня – Александр. При встрече на улице ни за что не причислил бы его к купечеству, по манерам – молодой дворянин из старого, богатого семейства.

Начали разговор, что интересно, не с пароходов, а с Северного морского пути и железной дороги. Как я понял, мои высказывания в доме купца Кузнецова о ледокольном флоте и Транссибирской железной дороге стали известны далеко за пределами нашего города.

– Простите, Александр, но, думаю, чугунку в наших местах ранее следующего века правительство строить не даст. Мы, иркутские купцы, не единожды предлагали за свой счёт её проложить, просили инженеров толковых прислать, да нет ходу нашим проектам. Не верят нам. Боятся.

– И чего же боится правительство?

– Правительство касаясь Сибири всего боится, а нам лишь о невозможности строительства чугунки отписывает. И жуткими морозами пугают, и обилием снега: мол, зимой поезда не пройдут сквозь заносы. Хе-хе, это нас-то, сибиряков, пугают! Как будто в России и Европах ни снега нет, ни морозов.

Он на пару секунд замолк, огладил бороду и, тяжело вздохнув, продолжил:

– Но чую я, что они всё ж таки особенно политики боятся.

Понимай так: не хотят конфликту с Китаем и Англией.

– Странно. Мы в своих завоеваниях постоянно углубляемся в Азию и приближаемся к Индии. По-моему, это должно тревожить англичан сильнее, чем железная дорога в Сибири.

– Всё так, да не так. От Самарканда до Индии не степь лежит, а пески да горы сплошь. Еды и фуражу мало. Пройти там нелегко даже с небольшим караваном, не то что армию вести. Успешно с такой дорогой не повоюешь, и англичане про то знают. Опять же, война серебро каждый день ест, а даст ли золото в конце, кто знает? А вот дорожка железная, через всю Сибирь проложенная, дело другое. Вложишь, конечно, в строительство много, – как же иначе? – но потом уже она тебя кормить начнёт. А кто с неё добро наживать будет? Рассея... это ж понимать надо. Не-ет, англичане быстрого и неподконтрольного им пути из Китая в Европы не допустят. Виданное ли дело: им вокруг Африк суда гонять приходится, а мы здесь, с дорогой напрямки, жировать станем. Да они всё сделают, чтоб тому помешать, и войной пригрозить не забудут. Этой-то заваyki и боятся у нас в верхах после крымского поражения⁶.

Ха, это Михаил Александрович ещё не вспоминает, что скоро Суэцкий канал достроят (газеты пишут, через два месяца), и у нагличан существенно снизятся затраты на транс-

⁶ Крымская война 1853–1856 годов. С её окончания прошло уже тринадцать лет, но до сих пор в правительстве опасаются конфликтов с Англией.

портировку грузов из Азии в Европу, а значит, спадёт и острота проблем с дорогами в Сибири. Хотя... как бы Англия ни снижала свои расходы, она всё равно будет резко против улучшения связей России с Китаем.

– А Китай?

– А что Китай? Его все кому не лень с Европ жмут нещадно. А коли сибирская дорога быстра станет для подвоза войск, неужто в Петербурге не задумаются кусок откусить от их пирога? Вон сколько рядом с нами землицы последни годы от синьцев⁷ отложилось! Почитай весь Восточный Туркестан у них из рук ушёл. Я так смекаю, в Пекине умные люди тоже догадываются: если появится у нас чугунка, то не станет у них западных провинций. Оттого и говорю: для Сибири сквозная железная дорога – вопрос дюже политический, не дадут её строить. А вот моря северные в этом разе для нас много лучше, и всем в правительстве морской путь по нраву будет. Морем к нам кого хошь привлечь можно, лишь бы судам помехи не было.

Дальше говорить пришлось в основном мне. Опять рассказал о ледоколах, о трудностях проводки караванов, ну а закончил перспективами развития Восточной Сибири вообще и пароходов в частности. Поделился достижениями нашей с Потапом Владимировичем мастерской. О судоверфи заикнулся – она, кстати, Михаила Александровича сильно

⁷ Синьцы – китайцы.

заинтересовала.

– И какая мощность машин возможна при закладке пароходов?

– Да любая. Хоть в тысячу сил, если возникнет такая потребность.

– Ишь ты, в тысячу! Мне о том годе на механическом заводе Гуллета в Тюмени пароход в четыреста восемьдесят сил сделали. Может, слышали? «Святым Иннокентием» назван.

Я кивнул.

– Так затруднений у них со столь мощной машиной много было.

– Слышал. И о пароходе, и о проблемах с машиной. Вы, насколько знаю, тоже немало трудностей испытали с доставкой его по частям?

– То да! Денег, пока дотащили, утекло изрядно. Потому и интересуюсь вашими возможностями, всё же Красноярск ближе к нам, чем Тюмень.

– Думаю, когда заработает построенная нами судоверфь, по частям пароходы тащить уже не придётся, проще будет перегонять их на Лену своим ходом. А что касается крупных пароходных машин, то с ними и в Европе не всегда всё гладко идёт. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Понравился мне купец Сибиряков, а ещё больше понравился его сын – умный, начитанный и в технике прекрасно разбирается, все пояснения схватывает на лету. Такого инженера в помощнички бы заполучить... эх-х... насколько

легче бы дела пошли.

Глава 3

На следующий день, с утра пораньше, я повёз дорогих гостей на знакомство с партнёром и на осмотр нашего с ним совместного предприятия. Разговоры о железяках – это одно, а вот когда человек может их сам осмотреть и руками потрогать – совсем другое. Тем более показать у нас есть что. Мастерская уже не та, что год назад, занимаемая территория увеличилась в пять раз. За незаметно пролетевшее лето построено два корпуса под новые цеха, третий строится. Столовая почти готова, сарай, с которого дело начиналось, переоборудуется в контору. Забор, правда, вокруг всего этого великолепия пока деревянный (кирпичный только через год поставим), зато имеются здоровые, крепкие ворота, над которыми красуется надпись крупными латунными буквами: «Красноярский механический завод». И кажется, мы потихонечку начинаем оправдывать это громкое официальное название.

Потап Владимирович, заранее предупреждённый, встретил нас во дворе при полном параде. Я так понимаю, он свой лучший костюм надел, не иначе. Ну, ясно: продемонстрировать хочет, что красноярские кузнецы тоже не лыком шиты и настолько суровы, что даже на работу ходят как на праздник.

Представил ему иркутских путешественников, и пошли мы по цехам. В первую очередь заглянули в кузнечный, где

собиралась корабельная машина купца Кузнецова.

М-да... всё же есть что-то завораживающее в больших, красивых механизмах. Каждый раз смотрю и глаз оторвать не могу. Ненавязчиво наблюдая за реакцией Сибиряковых, понял: они тоже по достоинству оценили нашу работу. И если отец, ограничившись осмотром внешнего вида, стал интересоваться у моего напарника техническими данными, то сын загорелся желанием исследовать агрегат досконально. Ха, сразу видно увлечённого человека. И пока старшие обсуждали общие вопросы, мы с ним облазили машину сверху донизу.

Наигравшись в недоделанные пароходики, двинулись дальше по цеху.

– А это что? Никак паровоз строите? – рука старшего Сибирякова указала на нечто, напоминающее небольшой паровозик без колёс.

Я поморщился:

– Не совсем. Принцип тот же, что и у паровоза, но ездить ему предстоит не по железной дороге, а по обычной. И даже там, где её вовсе нет.

Скоро осень, а с ней придут многодневные дожди, и местные «автомагистралы» сразу превратятся в непролазное болото, которое преодолет лишь трактор. Вот что-то вроде трактора я и пытаюсь соорудить, нам для доставки угля с шахты в город и глины с карьеров на кирпичный завод он в ближайшее время ой как понадобится.

– Локомотив? – решил блеснуть знаниями Александр.

– Да. Конструкция ещё не завершена, но мы можем показать чертежи и рисунки того, что в итоге получится.

– Будем вам очень признательны.

Удивила гостей мощность трактора – аж двадцать пять лошадиных сил в столь маленьком объёме! Ну... для себя любимого я и не такую «конфетку» могу сбацать. Разглядывая рисунки, все хором принялись обсуждать перспективы применения новой техники. Минут десять о реальном говорили, а потом пошла фантастика.

– Да водрузи его на баркас и с боков не два, а четыре крепких паровозных колеса поставь, он же и по полю, и по воде пойдёт.

– А телег караван без дороги везти...

Поразительно, но самыми адекватными в этой ситуации остались молодые. Вот ведь люди! Будто не знают они, на что паровозы годятся. Умудрённые жизнью дядьки, а послушаешь и начинаешь понимать: детство в попе у них так и не отыграло. Или они решили над молодёжью приколоться? Уж больно хитро иногда на нас поглядывают. Спелись, голубчики? Нью-ню. Мы тоже найдём повод посмеяться.

В следующем цехе Сибиряковы разбрелись в разные стороны: старший засмотрелся на работу штамповочного прессы, а младший увлёкся осмотром наших новых токарных, фрезерных и сверлильных станков. Попробовал поработать на них, потом заглянул внутрь и сказал, что ни в Швейца-

рии, ни в Германии ему таких совершенных агрегатов видеть не доводилось. Ха... я бы удивился, если б было иначе. Слава богу, многофункциональный железно-деревянный монстр, сделанный мною в начале лета, уже разобран, а то вопросов возникло бы выше крыши.

Александр был настолько впечатлён увиденным станочным парком, что даже упросил отца заказать по два образца каждого вида на нужды мастерских Ленского пароходства. А это, кстати, большие деньги, мы станки собственного производства ценим выше европейских. С доставкой в Сибирь, правда, заграничные будут стоить дороже, ну так на то и рассчитано. На территории от Томска до Якутска оборудование, изготовленное нами, на данный момент вне конкуренции.

Пообещали Михаилу Александровичу пару токарных станков отгрузить сразу, а остальные доделать и отослать в Иркутск до нового года. К сожалению, мало их пока собрано полностью, сверлильный вообще в одном экземпляре. Как-то так получилось, что некоторые детали мы наделали с запасом (те же шестерёнки, например), а чугунных станин отлито мало. Для себя и то не всё заготовили, и уж тем более не ожидали быстро найти покупателей на столь эксклюзивный товар.

Гости и пару паровичков приобрели, на пять и на десять лошадиных сил. Опять же, удивились их компактности и цене. Так, ёлы-палы, с умом надо к технике подходить, а не клепать её шаляй-валяй, и будет вам счастье. Мы за полгода

технологии отработали от и до. Каждый месяц теперь по два агрегата выпускаем. Отсюда и цена чуть ли не в полтора раза ниже образцов, доставляемых с Урала. Я уж не говорю о качестве исполнения и экономичности нашей продукции.

Прошлись разогревшиеся покупатели и по другим товарам. Купили все двадцать четыре насоса, которые мы успели сделать, и все шланги к ним, кучу инструментов и запчастей для станков, а также четыре десятка керосиновых ламп. Ну... этого добра нам не жалко, мы за осень ещё нашлапаем.

Заканчивая осмотр мастерской, Михаил Александрович сделал интересное предложение:

– Знаете, господа, в начале ноября в Иркутске состоится вторая публичная мануфактурно-ремесленная выставка. Товары будут представлены со всей Восточной Сибири. Я считаю, вам обязательно надо в ней участвовать.

Мы с напарником удивлённо переглянулись. Как говорится, к этому вопросу оба были не готовы. Тащиться в такую даль для продажи ламп с насосами? Да ну его на фиг! А станки и паровики вообще не вижу смысла туда таранить. Хорошо, если их купят. А если нет, что тогда?

– Поверьте, господа, я знаю, о чём говорю. О вас узнают все промышленники, заинтересованные в новых механизмах, и я, со своей стороны, готов поспособствовать в представлении изделий. Полагаю, из купленного нами удастся устроить небольшую экспозицию вашего завода.

В моём мозгу сам собой включился калькулятор: что-то

старший Сибиряков больно добрый, выставка – это ж сплошные затраты.

– Могу и заказами вашими заняться, за определённое вознаграждение. Скажем, процентов сорок вас устроит?

Ага, теперь смысл предложения стал понятен. А то как-то... м-м... Не, я, конечно же, верю в то, что купеческая помощь бывает бескорыстной, но лично меня она немного настораживает.

Мы с напарником опять переглянулись, и он ответил:

– Сорок многовато будет, с доставкой цена слишком неподъёмной станет. А двадцать вполне подойдёт.

Я кивнул, подтверждая. В последнее время мы с Потапом Владимировичем всё лучше и лучше друг друга понимаем, зачастую и слов не нужно. Поторговавшись, сошлись на двадцати пяти процентах, причём десять мы со стоимости товара сбрасываем сразу. Итого цена в Иркутске поднимется лишь на пятнадцать процентов плюс транспортные расходы, а это более-менее приемлемо.

При выходе за ворота завода нас встретил посыльный от купца Кузнецова – вечером всех четверых ждут на ужин. Похоже, Пётр Иванович решил узнать, как прошла заводская экскурсия. Эх-х... чувствую, опять будем «обсасывать» Северный морской путь и чугунку.

И естественно, я оказался прав. Но сегодня нам с Потапом было чем удивить собеседников. Тем более хотелось ещё

и новую тему для размышлений им подкинуть. Кирпичный завод в результате строительства двух больших домов (училища и четырёхэтажки) достался мне, считай, бесплатно, и возникла у меня крамольная мысль: а не снизить ли таким же макаром расход денег на постройку судоверфи? Что делать, желание халявы неистребимо, а тут очень кстати сразу два богатых человека под боком оказались. И вот в разгар дебатов мне удалось вставить:

– Я думаю, у нас всё же есть некоторый шанс начать железнодорожное строительство. – Постарался специально выделить слово «нас».

Народ на пару секунд замолк, переваривая новость, а затем хозяин дома попросил:

– Поясните.

– Большая дорога, на всю Сибирь, сейчас вряд ли возможна, но небольшие дороги для облегчения провоза товаров в узких местах могут разрешить.

– Что за места такие узкие? – вскинулся Михаил Александрович.

– Ну, смотрите. Взять хотя бы ближайшие окрестности: без жёстких ограничений со стороны правительства здесь можно наладить пароходное сообщение от Красноярска до Канска, Минусинска и Енисейска, а по Ангаре и поближе к Иркутску товар подвезти. В то же время из Томска пароход способен и до Ачинска добраться. Но вот расстояние от Ачинска до Красноярска, кроме как по суше, не преодолеть.

Этот участок является узким местом для продвижения товаров, и если от Красноярска к Ачинску проложить железную дорогу, то путь от Канска до Томска может стать значительно дешевле.

– Получается, следующее узкое место меж Канском и Иркутском будет? – быстро подхватил мою мысль Александр Сибиряков.

– Верно! И от Байкала до Амура тоже тяжела доставка.

На некоторое время все задумались. Потом Кузнецов и Сибиряков-старший синхронно посмотрели друг на друга, а я, оценив их взгляды, понял: крупная рыба заглотила наживку.

– Да, господа, у этого проекта, коль его грамотно преподнести, есть шансы сбыться, – высказался Пётр Иванович. – Как я понимаю, вы, Александр, и затраты уже прикинули?

– Дорога трудная. Горы, а соответственно, взрывные работы. Точной оценки нет, но, полагаю, на строительство уйдёт не менее семи миллионов.

Опять переглядывания.

– Рельсы наметили с Урала возить?

– Нет. Судоверфь с прокатом вполне справится.

Михаил Александрович недоверчиво поводил головой:

– Чтoб освоить рельсовый прокат, нужно полноценный железоделательный завод ставить.

Купцы вновь переглянулись, повздыхали и принялись рассказывать страшилки:

– Нынче железоделательный завод в Сибири – неподъёмная ноша даже для очень богатых людей. Вкладываешь много, а отдачи ждёшь долго.

– Да-а... В этом годе строения Томского железоделательного с торгов проданы. И дёшево, надо признать.

– Власьевский ещё в пятьдесят шестом закрылся.

– Правильно. Да и братья Трапезниковы, слышал я, желают продать Николаевский железоделательный.

– Лишь Гурьевский неплохо держится, потому что с казённых заводов заказы имеет. Да Абаканский пытается концы с концами свести, а владелец его, московский купец Кольчугин, поди, и не рад уже, что за сибирское железо взялся.

Ну да, ну да, я уже плачу и рыдаю о судьбе безвинно прогоревшей красноярской судоверфи, особенно глядя на ваши физиономии. Они ж прям как у ёжиков, готовящихся залезть на кактус: и хочется, и колется. Театр двух актёров, не иначе. Похоже, скоро последует предложение о сотрудничестве. Что-нибудь вроде: «Да где ж вам, беднякам, с производством большого объёма металла справиться? И не мечтайте об этом! Но так уж и быть, мы по доброте своей душевной поможем – и денег дадим, и опытом поделимся. Ну и, само собой, станем всем руководить... денежный навар соскребать».

Наивные! Они думают, я за молодостью лет не вижу перспектив крупного строительства. Да прокладка даже небольшого отрезка железной дороги, хотя бы от Красноярска до

Ачинска, с лёгкостью окупит открытие почти любого завода.

– Большие денежные вложения тут нужны и опытные люди, – продолжал вещать Михаил Александрович, а Пётр Иванович ему вторил:

– Мастеров-литейщиков лучше с Урала пригласить, а деньги... Деньги, по сусекам поскребя, найдём.

А хорошо мужики дуэтом поют, я аж заслушался! Потап бросил взгляд в мою сторону и слегка кивнул. Это, надо понимать, партнёр так извиняется за недоверие. Я перед ужином рассказал ему о своих замыслах и о предполагаемой реакции собеседников. Сомневался он тогда, а разговор меж тем, как ни крути, идёт в предсказанном мною направлении. Ну что поделать, натура такая у местного богатого купечества, людей не своего круга они редко в деловые партнёры приглашают. Корпоративный дух, однако! А коль приглашают, то норовят сразу на второстепенные роли оттеснить – мол, мы в бизнесе лучше разбираемся.

Взять того же Кузнецова: мы с ним, можно сказать, уже приятели, если попрошу тысяч двадцать в долг на год, он даст и о процентах даже не заикнётся, но в совместных коммерческих проектах всё равно постарается нас с напарником малость подвинуть. Обманывать, конечно, не станет, не такой у него характер, но договора и денежные потоки возьмёт под плотный контроль. Потап Владимирович – человек в Красноярске новый и своих торговых талантов пока не выказывал, а я слишком молод. Без сомнения, Пётр Ивано-

вич считает меня светлой головой и понимает, что многое я успел сделать, но доверять мне крупномасштабную стройку поостережётся – вдруг дело завалю. Тем более руководство таким объектом для несовершеннолетнего пацана не по чину.

Так что мысли купцов вполне понятны: «Вы, ребята, хорошо железо куёте, вот его и куйте, а люди солидные будут ковать бабло». М-да, придётся ломать этот настрой, иначе крутые денежные ребята управлять судовой верфью спокойно не дадут и к железнодорожному строительству, начнись оно, близко не подпустят, скажут: «Это не вашего ума дело, парни, вы лучше там у себя себестоимость рельсового проката снижайте».

Ладно, начнём помаленьку авторитет завоёвывать. Даю знак напарнику, и он с ходу вступает в полемику:

– И чего эти уральцы? Они нонче, почитай, все лишь плохонькое железо дедовским способом варят. Нет уж, мы новое производство поставим, не хуже английского. И с деньгами разберёмся. Вон Александр Владимирович зимой в Санкт-Петербург едет. Сладится у него дело с железной дорогой, так отчего ж ему там и кредит не найти.

Чёрт, сдержатъ бы смех! Какие всё-таки у купцов лица ошарашенные. Сидели господа, прикидывали, как им шкуру неубитого медведя меж собой разделить, а, оказывается, медведь-то скоро добычей другого охотника станет, который, вполне вероятно, посторонним позволит только лапу

медвежью пососать.

– Александр Владимирович, что ж вы молчали о поездке?

О, и отчество моё сразу вспомнили... в первый раз за весь вечер. Уважение растёт прям на глазах.

– До отъезда ещё далеко. Чего раньше времени о нём говорить было? Просто сейчас мы с Потапом Владимировичем впервые наши задумки в компании обсуждать стали, вот к слову и пришлось.

Ох, что тут началось! Да знаем ли мы, в какое ярмо впрягаемся, да ведомы ли нам люди, к которым в столице обратиться можно, да что это за новое производство такое? Пришлось посмеиваясь напускать туману и делать тонкие намёки на толстые обстоятельства. В общем, тоже с напарником неплохо дуэтом спели, изображая необъятную глубину наших познаний и обширность связей. Пусть господа купцы помучаются в догадках, откуда у нас появились выходы на столичное чиновничество, глядишь, и созреют стать акционерами красноярской судоверфи, хе-хе, в погоне за длинным железнодорожным рублём.

Долго мы обсуждали дела наши грешные и переливали из пустого в порожнее. Опять прошлись по отношению правительства к развитию сибирских регионов, по сложностям доставки руды в город, по прочим мелочам строительства, а закончили разговор перспективами дальнейшего обустройства. Купцы давили на возможность постройки завода лишь после получения разрешения на прокладку Красно-

ярско-Ачинской дороги, а я соловьём заливался и бил себя пяткой в грудь, пытаясь доказать, что пока неизвестно, когда до неё дело дойдёт, а судоверфь понадобится в самое ближайшее время. Кроме постройки пароходов и барж с металлическим корпусом это ж ещё до фига всяких «вкусокостей». Да один сбыт кровельной жести по всей Восточной Сибири нас озолотит!

К сожалению, не прокатило. Ох и упёртые оказались эти богатеи! Утром – деньги, вечером – стулья, и никак иначе. Ну где я им разрешение на железную дорогу возьму? Это ж был блеф чистой воды. Не... вполне вероятно, такого разрешения добиться можно, но сколько при этом надо угробить сил, времени и денег, я, честно говоря, не представляю. Эх, жизнь-жестянка! Не удалось супернавороченный заводик за чужой счёт поставить. Обидно, блин! Я ведь и прибыль акционерам хорошую обеспечил бы, и парходики по дешёвке нашлёпал. Да-а, нет в жизни счастья, хоть ты тресни.

Весь следующий день настроение у меня было отвратительное. На утренней тренировке довольно жёстко обошёлся с Василием и новых синяков ему наставил, в мастерской бизонов отчитал – расшалились не по делу, понимаешь ли. Даже приглашение на торжественное открытие первого в Красноярске женского училища второго разряда не улучшило душевного состояния. А всё потому, что встретил там Сибиряковых с Кузнецовым. Стоят довольные, весело о чём-то бол-

тают... Куркули проклятые.

Ближе к вечеру опять на завод заявились. Ха, всё же зацепила их мысль о возможной постройке железной дороги. Дошло наконец-то: нужен под боком полноценный завод, способный рельсы гнать. И пусть в строительство судоверфи они влезать не пожелали ни под каким соусом, но помочь и... вроде бы как при своих деньгах остаться были не против.

Предложили нам с Потапом Владимировичем контракт на постройку двух одинаковых пароходов, по сто сорок сил каждый. Заказ обещали оплатить до зимних праздников, а получить корабли хотели весной одна тысяча восемьсот семьдесят второго года. Денег не пожалели: взяли цены завода Гуллета в Тюмени и прибавили стоимость доставки до Красноярска. Ну а самое интересное, корпуса заказанных пароходов должны быть полностью железные. Соответственно, где мы с напарником металл возьмём, купцов не касается. Делайте, ребята, что хотите, выкручивайтесь как знаете, но через два года и девять месяцев кораблики должны стоять у пристани Красноярска.

С одной стороны, очень заманчиво, а с другой...

Да, сто сорок тысяч рублей серебром – значительная сумма для нашего с Потапом завода, но если ставить мартеновскую печь и полноценный прокатный стан, то эти деньги быстро превратятся в пшик, в полный ноль. Вот и думай теперь, пускаться нам во все тяжкие или ну его на фиг. Конечно, проще купить металл на стороне, отказавшись от мысли

о собственном железоделательном заводе, но... это ж не наш метод.

Чёрт, может, по минимуму предварительные работы провести, а там, глядишь, ещё денюжат надыбаем? Не, ну гадство, в натуре! Поманили дяди малышей конфеткой в дальние дали. Так иногда плавать учат: толкнут в воду, и плыви, куда сумеешь... или на дно, или к берегу. Думаю, с нами решили нечто похожее проделать. Справимся – молодцы, а нет – значит, слишком много о себе возомнили и рассматривать нас как равноправных партнёров незачем.

Э-хе-хе... Ладно, Сашок, чем бы дело ни закончилось и куда бы мы в итоге ни пришли, а дяденькам за предоставленный шанс следует сказать спасибо. Большое спасибо!

Утром на свежую голову постарались с Потапом Владимировичем подробно разобрать прошедшие переговоры. Пройлись старательно по всем нашим предложениям и возражениям купцов. Вроде всё, что могли, мы сделали: господа прониклись идеей локальных железных дорог, на развитие кораблестроения денег дали. Причём весьма щедро дали: по самым грубым прикидкам, завод может рассчитывать на прибыль тысяч в сорок-пятьдесят, даже с привлечением сторонних специалистов на проектировку судовых корпусов. Девять месяцев назад о таком и мечтать не стоило. Есть чему радоваться. Но... один нюанс подпортил впечатление.

Подозреваю, если бы не мои разыгравшиеся в азарте гор-

моны, то реально было бы и на большее купцов сподвигнуть. С чего-то вдруг я распалился во время споров не по-детски... хм... вернее, как раз по-детски. Какая-то юношеская горячность в словах нарисовалась, свою точку зрения чуть ли не с пеной у рта стал доказывать. Нельзя так в делах серьёзных действовать, ой нельзя. Собеседники начинают видеть в тебе «бледного юношу со взором горящим», а не солидного партнёра, и, соответственно, пугаются. У большинства деловых людей чрезмерная эмоциональность вызывает инстинктивное неприятие.

Ещё и обиделся я на купцов в первый день, ну прям как дитё малое, которому красивой игрушки не досталось. А Кузнецов, похоже, это заметил. Стыдно, Саша, в твои-то годы допускать столь непростительные проколы, и малый возраст нового тела тут не должен служить оправданием. Вон с дамским обществом ты за лето полностью освоился, гормональные всплески в общении с прекрасной половиной человечества тебе жить уже не мешают. Почему ж на переговорах расслабился? Посчитал, что кругом все свои? Напрасно. Свои тоже разные бывают. Постарайся в дальнейшем при деловых контактах вести себя осмотрительнее.

Общий план действий на ближайшее время обсуждали долго. На заводе парходные корпуса делать негде, и земли свободной под новые цеха рядом почти не осталось. Клепать суда на берегу Енисея, под открытым небом, по образу и подобию заводов Западной Сибири, ужасно неудобно. Слиш-

ком много мороки – и дождь, и снег, и морозы, и, главное, разливы Енисея станут тормозить выполнение работ. О чётком графике сборки можно сразу забыть.

В конце концов решили судовой верфь отдельно строить, как первоначально и задумывалось. Да, маловато у нас денег, но иного выхода просто нет. Выкупим на енисейском берегу, недалеко от города, «полянку» побольше, чтоб и на заводские строения места хватило, и на жилые. Аккуратненько распланируем территорию, а затем постепенно её застроим. Организуем рабочий посёлок образца середины двадцатого века, со всеми его прибабасами: с общественной баней, больницей, детским садиком, ну и, разумеется, с Домом культуры. Ха! И назовём всё это кузницей кадров пролетариата Сибири. Хм, меж собой, конечно же.

Губернское правление участок выделит, скорее всего, ниже по течению, за впадающей в Енисей речкой Качей. Ну так это и хорошо, в тех местах много удобных затонов имеется, какой-нибудь из них приспособим под зимнюю стоянку кораблей. И кстати, там поблизости моя угольная шахта стала первый уголь на-гора выдавать, меньше придётся тратить времени и средств на его доставку. Потом, смотришь, и теплоэлектростанцию в посёлке поставим, я по электричеству о-о-очень соскучился.

А вот доменную печь, даже маленькую вагранку, нам, к сожалению, пока не осилить. Как бы сказал дед Ходок, серебра на всё не хватат. Нам бы с крупноразмерным листо-

вым прокатом за год-полтора разобраться, и то счастье. Будет во что кораблики одевать. С того же Абаканского железодобывающего завода хорошую сварную пудлинговую сталь присылают, она легко раскатывается и для обшивки судовых корпусов прекрасно подходит. Литая сталь, которую мы начали выпускать, тут годится в меньшей степени – и дороже она, и на раскат тяжела.

Первые собственные плавки провели неделю назад. Заработала в новом литейном цехе пока только одна печь, на два тигля – между прочим, для этих мест круть несусветная. Вообще, сейчас в Российской империи литой тигельной сталью мало кто занимается, слишком уж она дорогая и мало-востребованная. Но если ты задался целью изменить свойства стали, то, экспериментируя в тигле с шихтой, можно довольно легко добиться почти любых её качественных характеристик. Хочешь, инструментальную сталь вари, хочешь – оружейную булатную, а хочешь – нержавейку. Ну, естественно, если знаешь как. Недаром прусский пушечный король Крупп тигельное литьё широко использует.

И процесс изобретения новых видов стали, надо признать, притягивает не хуже мощного магнита. Ещё бы, такой простор для творчества. Уж насколько я посредственно знаком с процессом варки металла, и то поддался соблазну приложить к этому делу свои беспокойные ручонки, тем более в теории стали и сплавов лучше меня здесь никто не разбирается. А уж как мой сотоварищ Потап новой «игрушкой» увлёкся, я

вообще молчу. Пристаёт ко мне постоянно с расспросами и у литейной печи спать готов. Фанатик, ядрёна вошь!

Постепенно будет запущено пять печей, на два тигля каждая. Один тигель выдаёт до тридцати килограммов стали за плавку, стало быть, через полгода литейный цех сможет отливать детали весом до трёхсот килограммов. Это полностью покроет наши потребности в производстве судовых валов, а также в производстве вальцов прокатного стана, поршней, цилиндров, штоков и прочего.

Со следующей недели начинаем набор новых рабочих, и не как раньше, внимательно проверяя навыки и способности, а почти всех подряд. Сейчас на заводе трудятся семьдесят три человека, из них семеро – подростки тринадцати-четырнадцати лет, а нам надо минимум двести пятьдесят работников на два производства набрать. Желательно, конечно, триста, но это уж как получится. Основной упор сделаем на приём молодёжи (её обучить легче), но и пожилых специалистов возьмём с радостью, особенно тех, кто с железом уже работал.

Такие, кстати, стали часто приходить. Например, пять первоклассных рабочих-литейщиков приехали с закрывшегося в прошлом году Ирбинского чугунолитейного, расположенного на реке Ирба в Восточных Саянах, а кое-кто даже с Урала прибыл. Видать, слава о нашем заводе по Сибири быстро расползается.

В середине августа зашла делегация работников сосед-

ней кузни – люди интересовались перспективами вливания в наш дружный коллективчик. Я тогда, помнится, встретил гостей неприветливо, домой спешил. Разговор начал у ворот, не пригласив войти в заводской двор, и только минут через пять себя одёрнул: у людей горе, владелец кузни и отец большинства из них на днях скончался, а я тут... пальцы растопырил. Пришлось задержаться и, позвав напарника, обстоятельно побеседовать. Из шестерых пришедших четверо были братьями, которым и перешла по наследству кузня. На общем совете они решили не продолжать семейное дело, а пойти к нам в наёмные рабочие, больно уж условия у нас хороши. В результате приняли всех, хотя у них тоже пацаны двенадцати и четырнадцати лет были.

В конце обсуждений Потап Владимирович опять затронул тему перераспределения доходов:

– Александр, думаю, пора уже нам с тобой равноправными партнёрами стать. Ведь в первую очередь благодаря тебе наше дело за столь короткий срок в разы выросло, а дохода ты получаешь на треть меньше моего.

– Потап, какой доход? У нас все приходящие деньги тут же вбиваются в расширение завода. Ты вон до сих пор дом себе новый не построил.

– То так, но нехорошо всё ж таки. Станочное производство ты создал, дутьё печей литейных и выделку железных труб тоже ты наладил.

– Не забывай, трубы я с твоего согласия до сих пор себе

бесплатно забираю.

– Да что там эти трубы! – недовольно поморщившись, воскликнул Потап. – Пойми, ты нашему делу больше моего даёшь.

Во прижало-то мужика! Не любит он, как и я, быть кому-либо должным.

– Последнее время мне в цехах бывать лишь до обеда удаётся, а зимой, ты же помнишь, предстоит в Петербург уехать, и вернуться я смогу дай бог в конце следующего лета, – предпринял я последнюю попытку отбрехаться. – Всё это время ты и за заводом, и за строительством один следить будешь.

– Следить легче, чем основу создавать, а в столице ты к тому ж и нашими общими делами займёшься.

Вот упёрся! Какой-то у нас дурацкий разговор складывается: каждый норовит напарнику лишние десять процентов нехилого предприятия всучить. Услышали бы такое некоторые местные купцы, за сумасшедших приняли бы.

– Ладно, – махнул я рукой, – раз ты так хочешь, давай перепишем процентовку.

Всё равно все финансовые дела напарник на меня свалил, найду я, как ему в карман денжат пересыпать. О, например, трубы, что взял, оплачу, а уголь на завод бесплатно возить стану, и ещё... Э-э... хм... не, с углём я что-то погорячился. Да и трубы... даже по себестоимости... это ж до фига, в общем.

Блин! Потап заражает своим альтруизмом, однозначно.

Пора этому... филантропу жену подыскивать. Женщина найдёт, как наставить его на путь истинный, каждую копейку ценить станет. А то ишь вздумал тут меценатствовать и нормальных пацанов с панталыку сбивать!

Во! Я ему к свадьбе дом не хуже нашего построю и подарю, и пусть только попробует отбрыкаться.

О выделении земли под судоверфь пришлось договариваться с председателем Губернского правления Лаврентьевым Алексеем Николаевичем, в данный момент он опять замещает губернатора, который недавно отбыл в ознакомительную поездку по просторам территории, ему доверенной. Ничего так поговорили, душевно. Мы всё ещё находимся в зоне наибольшего благоприятствования, но, судя по некоторым «наводящим» вопросам, далеко «наши сани» без подмазки уже не уедут. Остаётся надеяться, что очередная помощь руководства губернии нам в ближайшее время не понадобится.

К поиску месторасположения нового завода я подошёл со всей ответственностью, дни теперь заняты конными, а иногда и пешими, прогулками. Вместе с охранничком с самого утра ползаем по косогорам, прикидываем, где и что установить можно. Ну и, как обычно, совмещаем приятное с полезным – постреливаем да саблями машем. Так уж у нас сложилось: занятия рукопашкой и силовой тренинг в основном дома проходят, а остальное – на природе. Не знаю, правиль-

но делаю или нет, но без Михаила Лукича стал больше внимания сабле уделять, с чубатым казачком веселее обучение идёт. Ему до лучшего рубаки красноярской сотни, конечно, далеко, но мне пока и этого хватает. Эх-х... расти ещё и расти. А вот бою на ножах и стрельбе из любых положений уже я учу.

В первый раз осмотрев револьвер, привезённый Василием из Средней Азии, я чуть не заплакал – устройство аппарата раздолбано вусмерть. И это, между прочим, подарок за доблесть от командира. Как они в среднеазиатской кампании смогли так поиздеваться над довольно новым оружием, не понимаю. Собрали этот механизм семь лет назад, а впечатление создаётся как минимум о нескольких десятилетиях его непорочной службы. Причём в качестве молотка. Того и гляди рассыплется всё при следующем выстреле.

Тут и дошло до меня: пора заняться изготовлением нормальных стрелялок, и для себя, и для охраны. За дело взялся вдумчиво и основательно. Супернавороты применять не стал (время не пришло), просто постарался создать удобный, нормально работающий механизм. Хорошая сталь имеется, инструмент тоже, руки золотые всегда при мне. Что ещё надо? И считаю, я своего добился, на данном этапе развития огнестрельного оружия мои изделия смотрятся превосходно. За основу взял калибр одиннадцать миллиметров, как оптимально подходящий по соотношению «пробивное действие – стоимость выстрела» (для местного дымного пороха, есте-

ственно). Патроны к нему французской и бельгийской сборки в продаже встречаются чаще, чем, например, для моего английского «адамса».

Вообще-то, с патронами сейчас творится тихий ужас: стандартов почти нет, каждая крупная оружейная фирма старается создавать свои и, разумеется, под своё оружие, а некоторые маленькие фирмы и даже отдельные оружейники от них не отстают. Соответственно, вес пули и заряд пороха у каждого разные, да и порох разный. Мне пришлось купить двести патронов и переснарядить их под себя, отлив новые пули и тщательно отмерив порох для зарядов. В конце концов осознал, что в следующем году придётся самому цельнотянутые гильзы клепать, если, конечно, не хочу разориться на стрельбе.

Револьвер сделал переломным, с откидывающимся вниз стволом, с барабаном на шесть патронов. Воронёный, без каких-либо украшений, только клеймо завода на стволе и название – «Барс». Любимое ещё в той жизни занятие очень увлекло, пока не выточил полсотни комплектов деталей, не смог остановиться. Честно говоря, начинать серийное производство не собирался, не до этого, просто хотелось иметь под рукой хороший пистоль, и не один.

Ну и надеялся показать людям, разбирающимся в огнестрельных «игрушках», что и в России всё же есть мастера, способные создавать самое современное оружие. Было желание утереть нос американцам, ведь скоро на вооружение

нашей армии поступят револьверы фирмы «Смит-Вессон» с новым, российским калибром 4.2 линии. Когда-то давно мне довелось из них пострелять, и впечатления остались не из приятных: слишком уж они тяжёлые, неудобные и плохо сбалансированные, а эргономика рукояти просто тихий ужас. В глубине души теплилась надежда: вдруг кто из руководства страны моё изделие заметит, оценит и усомнится в пользе зарубежных закупок. Глупость, понимаю, но чем чёрт не шутит, а ну как прокатит.

Свой маленький семимиллиметровый «лефоше» отдал бизонам (пушай развлекаются), пробивная сила у него недостаточная. На смену ему сделал плоский револьверчик калибра девять миллиметров, всего на пять патронов, по конструкции схожий с «Барсом». Понравилось мне скрытно таскать «лефоше» в кобуре на пояснице, вот в его габариты я и вписал новую машинку.

Начальничек моей службы безопасности, кстати, принимал новое оружие с таким благоговейным трепетом, что у меня язык чесался выдать какую-нибудь хохму по этому поводу. Еле сдержался – не поймёт казак юмора.

Тут к оружию отношение особое: мало того что оно повышает статус человека в глазах окружающих, так от него ещё и реально зависит жизнь хозяина. А если принять во внимание торжественность вручения, то Василий, боюсь, воспринял всё как второе в своей жизни награждение.

Глава 4

«Как время летит», – размышлял я, осторожно смахивая в коробочку пыль, оставшуюся после обработки драгоценных камней. Полезнейшая вещь, однако! С помощью неё получают самые нежные пилки для дамских ноготков, нужно лишь крупные частички абразива отсеять. Поправил стол, сложил аккуратненько инструмент – порядок в любом деле важен. Эх-х, сегодня минуло ровно два года со дня моего попадания. А кажется, что совсем недавно я вокруг Софьиной землянки без штанов бегал. Совсем недавно сарай собирал. Совсем недавно мне...

Хм, что-то экзаменаторы задерживаются. А-а, нет, вот, похоже, и они. Уважаемый господин ювелир вернулся, да не один – ещё двух крепких старичков с собой привёл, ну и, конечно, другана-портного не забыл захватить. Как понимаю, все ювелиры Красноярска соизволили собраться вместе и наступает торжественный момент завершения моего начального обучения. Хотя какое оно начальное? Так, середина длинного пути, если мою прошлую жизнь принимать в расчёт.

Большую часть из того, что рассказывал сосед о ювелирном деле, я знал и раньше, всё же на свой страх и риск заниматься производством золотых украшений в двадцать первом веке и не иметь никакого понятия об их изготовлении может позволить себе только очень безалаберный человек.

М-да... но, надо признать, кое-что из рассказанного Николаем Михайловичем и для меня оказалось в диковинку. Например, о старинных секретах хранения драгоценных и полудрагоценных камней я почти ничего не знал, о работе ювелирного сообщества в девятнадцатом веке и взаимодействии его членов вообще не имел представления. А в сообществе этом бурь и потрясений хватает.

Ювелирный бизнес огромен, и был он таким во все времена. Это ведь и разнообразные колечки-серёжки, и посуда в самом причудливом исполнении, оклады икон и яйца Фаберже, церковное золотое шитьё и усыпанные бриллиантами платья принцесс. Да всего и не перечислить. Но как бы ни был обширен этот бизнес, конкуренция в нём страшная. На данный момент в России каждый год открываются пять-шесть новых фирм, связанных с изготовлением золотых и серебряных изделий. Из них три-четыре прогорают и закрываются в течение года, некоторые умудряются протянуть чуть дольше, и лишь единицы добиваются стабильного существования.

Осмысливая свои возможности в современном ювелирном мире, я пытался найти и для себя область оптимального приложения сил, но, увы... кроме того, что делаю сейчас, ничего нового не придумал. Пробиваться в поставщики двора его императорского величества, как хотелось бы Николаю Михайловичу, не вижу смысла, не готов я месяцами корпеть над какой-нибудь одной безделушкой в угоду семейству Романовых, пусть даже она и прославила бы меня в веках.

Мне больше подошло бы производство разнообразных массовых изделий. В памяти хранится много интересной информации, да и опыт по созданию дизайна новых украшений имеется, так что, думаю, завоевание рынка пройдёт довольно легко. Самым удобным было бы просто купить один из существующих ювелирных заводиков, чтоб не заниматься длительным обучением работников. Но... денег лишних нет, а сам организовывать всё с нуля я не смогу из-за недостатка времени. Стало быть, мне остаётся лишь так же плавить золотишко потихоньку в подвале да камушки, купленные косметсалоном, шлифовать, надеясь на улучшение ситуации в дальнейшем.

Ладно, расширение собственного ювелирного бизнеса – дело будущего, сейчас же мне предстоит пережить небольшой экзамен, и буду я считаться уже не учеником, а подмастерьем. Жаль только, это не даёт права на личное клеймо. Вот лет через шесть, когда мастером стану, тогда да, а пока предстоит пользоваться клеймом учителя.

Поблажек мне никто делать не собирался, поэтому полчаса пришлось попотеть, отвечая на каверзные вопросы старичков-ювелиров. Но... рано или поздно всё заканчивается, закончился и этот «допрос с пристрастием». Специалисты признали мой уровень знаний достойным перевода в новый статус. Довольный Николай Михайлович оглядел всех орлиным взором, легонько хлопнул ладонями по коленям и встал. Откуда-то нарисовался поднос с бокалами и уже откупорен-

ной бутылочкой французского вина, явно недешёвого между прочим.

Валерий Яковлевич быстренько разлил всем по чуть-чуть, и наконец зазвучали слова напутствия молодому подмастерью:

– Александр, я очень рад, что на старости лет мне довелось взять в обучение такого способного юношу. Уверен, я могу гордиться своим учеником, редко кому удавалось столь быстро постигать науку золотых дел мастеров.

Чёрт, приятно слышать такие слова, хоть и заслужил их в основном благодаря знаниям и умениям прошлой жизни.

– Немного изучив вас, понимаю: всего себя нашей работе вы посвятить не сможете – слишком много планов. Юность всегда любила ставить себе недостижимые цели. И всё же... в дальнейшем... как бы там ни сложилась ваша жизнь, постарайтесь уделять достойное внимание и ювелирному делу. И... поздравляю вас!

Краткость – сестра таланта! Хорошее напутствие понимающего человека. Я с удовольствием пригубил бокальчик за свой успех, а так как бутылка оказалась не одна, то пара часиков веселья и приятной беседы была нам обеспечена.

Домой вернулся ближе к обеду и, подходя к гостиной, услышал концовку стихов, декламируемых очень приятным баритоном. А когда понял, о чём они, то малость оторопел.

... усы да мундиры,

Дурни да воры – отцы-командиры;
Поле сраженья – арена мытарства —
Изображенье Российского царства.

Самодержавье, народность, жандармы,
Дичь, православье, шинки да казармы;
Тесно свободе, в законах лазейки;
Бедность в народе, в казне ни копейки;
Лоск просвещенья на броне татарства —
Изображенье Российского царства!

Это кто, чёрт побери, тут у нас вздумал революционными стихами баловаться?! Захожу в гостиную. Там обычная дамская массовка, и все рукоплещут, а перед ними в позе одухотворённого гения стоит молодой человек и благосклонно принимает аплодисменты. Причём парень худющий, поношенный сюртук на нём, как на вешалке, висит. Лицо бледное и довольно красивое, белые кудряшки старательно прилизаны. Натуральный блондин... в натуре. Прямо мечта многих женщин! Да ещё с таким убийственным голосом.

Увидев стоящую рядом жену портного, решил поинтересоваться:

– Разве у нас в салоне допускается ругать верховную власть?

– Почему ругать?

– Так стихи уж больно неприятные для... – Я поднял глаза вверх.

– Ну что вы, это же Шумахер!

– Кто Шумахер? – Я недоумённо уставился на белобрысо-го, а в хмельной голове промелькнули воспоминания о гонках «Формулы-1».

– Александр, вы не поняли. Эти стихи написал Пётр Васильевич Шумахер – известный поэт, долгое время проживавший в Сибири.

– За поэзию сослали?

Мария Львовна захлопала глазами, а затем удивлённо ответила:

– Никто его не ссылал! Пётр Васильевич – уважаемый человек, работал он в Сибири.

– Да, вообще-то, в Сибирь многих уважаемых людей ссыл...

Видя возмущённый взгляд собеседницы, я вовремя заткнулся. Вот теперь совсем ничего не понимаю! Это ж явная антисоветчина... тьфу... антицаризмщина. Э-э... ну, в смысле вызов царскому режиму. И почему, спрашивается, здешний Шумахер до сих пор не на каторге? Да ещё и уважением пользуется у местной элиты, а стихи его с пафосом читает инфантильная молодёжь.

Пришлось мысленно почесать себе затылок. Неисповедимы пути твои, Господи, я явно не врубаюсь в некоторые реалии современной жизни. Прямо хоть картину пиши – «Суров царизм на исходе лета». Ха, что-то тебя, Сашок, на лирику потянуло.

А белобрысый в этот момент вновь принялся распекать «загнивающее» самодержавие. У-у-у, блин! Нам только проблем со всякими Шумахерами не хватает. Вон с каким удовольствием его все слушают, даже губернаторша. А жандармы завтра не забудут у себя галочку поставить: мол, косметсалончик Софы Марковны не так прост, как кажется, и приглядеться к нему стоит повнимательнее.

Никогда не считал себя ретроградом и поборником царизма, но допускать в своём доме революционные по своей сути высказывания в данный момент не считаю нужным. Этот белобрысый как пришёл, так и уйдёт, а нам потом расхлёбывай. Нет уж!

Так... самому вмешиваться нельзя – не поймут. Отправлю-ка я Машулю в лабораторию к Софе, пусть позовёт её. Думаю, наша старшая быстро разберётся с непонятными литературными встречами, нарисовавшимися в гостиной. У неё не забалуешь.

И вот тут после прихода Софы мою нежную, ранимую психику ожидало ещё одно потрясение. На предложение прекратить поскорее стихотворные рулады она тяжело вздохнула и... повела меня наверх, а когда мы уединились в её комнате, приступила к очередной лекции о нравах современного общества. Оказывается, я обделяю вниманием широкие массы местного дворянства и интеллигенции, иначе давно бы заметил некоторую рэволюционность в настроениях граждан.

Ну да... делать мне больше нечего, кроме как со всякими болтунами лясы точить!

– Да я с ними постоянно общаюсь! Вино попить в Дворянское собрание иногда заезжаю? Заезжаю. Анекдоты с высшим руководством города и губернии травлю? Травлю. Песни дамам периодически пою? Пою. Можно сказать, приличия соблюдаю. Ну так и хватит с них. Кому хочется тратить время на всякую ерунду, тот может болтать с кем угодно и о чём угодно хоть целые сутки напролёт, а я не желаю разбазаривать свою жизнь на общение с теми, кто мне неинтересен. Лучше уж в свободное время с ребятами и девчонками-косметологами повеселюсь, с купцом Кузнецовым в шахматы поиграю или вон с соседями глентвейн попью. Да у меня уйма знакомых, с которыми я регулярно встречаюсь!

– С кем дружить и общаться, решай сам, тут тебе никто не указчик. Я лишь пыталась объяснить: ты не замечаешь отношения большинства обеспеченных горожан к верховной власти.

– Вот как! Ну, тогда объясни, что ты подразумеваешь под рэволюционностью в настроениях?

И Софа, опять тяжело вздохнув, поведала мне о мещанских взглядах, бытующих нынче в России. Оказывается, каждый уважающий себя, хм... интеллигент в империи просто обязан периодически вызывать своё «фи» государственному аппарату и любым преобразованиям в стране от его лица. То есть не в состоянии наше правительство приду-

мать что-либо полезное для людей, поэтому все исходящие от него начинания нужно обливать грязью сразу, не стоит даже задумываться об их пользе или вреде. Вот плохо всё, и точка.

Самое страшное, так рассуждают многие. И чиновники, кстати, тоже этим грешат. Естественно, не высшее руководство – статский советник, например, уже по своему чину не может быть либералом, охаивающим решения вышестоящих. Нет, недовольно шепчутся только средний и нижний уровни. Это у них такая своеобразная игра на грани фола, иначе свои же будут сторониться: «Как же так? Он всем доволен? Уж не на жандармское ли управление работает?»

Либеральные идеи сейчас табунами носятся в воздухе, а некоторые молодые вольнодумцы прямо-таки презирают всех, кто эти идеи не разделяет. Ситуация немного напоминает поздний социализм, каким я его помню, там подспудное недовольное бурление в массах похоже протекало, особенно среди людей интеллигентных. На кухнях и в курилках мы все говорили о тупике, в который забрели по «неведомым причинам»: одежды нормальной нет, продукты в дефиците, всё, что хочется надеть или съесть, привозится в основном из-за границы. Про автомашины вообще молчу, простому советскому человеку не купить даже те колымаги, которые производятся в родной стране. А отечественная эстрада? Ну приелась же хуже горькой редьки! Молодёжь стремилась слушать что угодно, лишь бы не её. С кинематографом

аналогичная ситуация.

В официальной же обстановке – на собраниях и съездах – картина была уже другой: всё хорошо, мы широкими шагами топаям прямо в рай... тьфу... в коммунизм.

Похоже, у нашей интеллигенции национальная черта характера такая – быть вечно недовольными своим правительством и критиковать его по любому поводу и без повода. За два последних столетия известной мне истории я не могу припомнить ни одного периода, когда государственный аппарат нравился бы большинству образованных людей в России. И неважно, царь страной управляет, вождь или президент. В других развитых государствах, насколько помню, дела получше обстояли. Конечно, тоже имелись недовольные, и они возмущались иногда, но ведь не столь масштабно. Хм... или я просто не обращал на это внимания?

Ох, чую, мне для реализации задуманных преобразований в империи ещё и социологию изучать придётся. Интересно, Карл Маркс уже написал свой «Капитал»? Надо бы перечитать эту книжечку, там много чего полезного написано. Да и по другим теоретикам социализма-коммунизма не помешает пройти. Желательно достать труды этого... как его... Чёрт, забыл! Ай, ладно, что найду, то и почитаю.

В общем, Софа в конце разговора убедила меня не совать нос в дела, моему разуму пока непонятные. За обстановкой в салоне присматривает Мария Львовна, вот ей и флаг в руки, она лучше знает, как местное общество любит развлекаться

и проводить свободное время. Ой, да пусть делают что хотят! Ни слова больше против не скажу, даже если они в гостиной «Интернационал» всем табором запоют или «Марсельезу» какую-нибудь.

«Маманя» ушла довольная – «сынку» ума-разума добавила, стало быть, родительский долг выполнила, а я в грустном настроении поплёлся в свою комнату.

Взгляд, брошенный за окно, душевное состояние не улучшил: опять дождь начинается. Да что за лето такое дурацкое выдалось?! Погода не порадовала ни в июне, ни в июле, ни в августе, температура всего несколько раз поднималась выше двадцати градусов по Цельсию. Регулярно шли дожди, а ясные, солнечные дни выпадали редко. Мало того что это сильно мешало строительству, так ещё и конные прогулки, а с ними и тренировки с огнестрелом, я вынужден периодически отменять. Всё прям как в старой студотрядовской песне: «Пролетело поганое лето, невесёлые были деньки».

Эх, а в прошлом-то году солнце всю припекало. Да что там в прошлом, вон в позапрошлом погодка своими аномальными вывертами просто поражала. Под Канском в конце сентября жара стояла, я на Софьиной фазенде до октября в пруду плескался, а нынче – тьфу... Не погода, а недоразумение какое-то, честное слово.

Частенько и в единственный выходной веселье бывало подмоченным. В минувшую субботу, например, зарядил дождик с утра пораньше и лишь в понедельник закончил-

ся. В результате поездки для штурма местной достопримечательности – красноярских столбов – накрылась медным тазом, а ведь у нас с бизонами уже чуть ли не полноценное альпинистское снаряжение заготовлено было, надеялись покорить все неисследованные вершины. Ну... видать, не судьба... Пока.

Ничего-ничего! Куда, на фиг, эти горы от нас денутся? Успеем ещё по ним полазить, правда не в ближайшее свободное время. Оно целиком и полностью будет посвящено пацанам Федькиной команды. Итоговые соревнования первого пацанского легкоатлетического сезона – это вам не хухры-мухры.

Так уж получилось, что свободное летнее времяпрепровождение у меня слишком быстро превратилось в спортивно-воспитательную работу с подрастающим поколением. Тут народ любит в воскресенье отправляться на природу, и берега Енисея, а также его острова, расположенные недалеко от города, пользуются у отдыхающих повышенным спросом. Всё аналогично и веку двадцатому, и веку двадцать первому: собирается компания и на лодках отплывает на заранее присмотренный бережок, ну а там уж интенсивно снимает напряжение трудовой недели, как может и умеет. Вот и я с работниками завода и косметсалона в эту струю вписался.

Только желающих отдохнуть, несмотря на полупустой город, имеется в избытке, а красивых удобных мест, где хотелось бы с комфортом провести время, ограниченное ко-

личество, и самые шикарные из них следует занимать заранее. Лучше всего за день. Естественно, при таких обстоятельствах бизонам, а зачастую и мне с ними, приходилось выезжать субботним вечером на облюбованный островок и ночевать там, охраняя, так сказать, территорию от посягательств посторонних. Потом к нам и девушки присоединяться начали: косметологи, поварахи, химики (с моей лёгкой руки так теперь зовут девиц, занятых в производстве косметики). В общем, молодёжь моими стараниями каждую неделю на одну ночь была предоставлена сама себе, никаких там пап, мам и прочих взрослых.

Понятно, что эти совместные ночки постепенно стали превращаться в бедлам, особенно когда я оставался в городе. Парни и спиртное втихую распивать принялись, причём в немереных объёмах, да и обнимашки с девушками в кустах эпизодически устраивали. Однажды чуть ли не до драки дело дошло, и хорошо хоть не меж бизонами. Как-то обо всём этом проведала Софа и, разумеется, тут же сделала мне промывание мозгов: мол, если не хочешь огрести проблем на свою больную голову – и от церкви, и от администрации города, как организатор массового растления малолетних, – то разруливай ситуацию.

Пришлось гайки закручивать. Устроил выволочку провинившимся, ввёл чёткие правила поведения на выезде и вдобавок пригласил мужиков постарше для контроля. Действовал жёстко и тех, кому что-либо не нравилось, отправлял на

все четыре стороны. В итоге под моим чутким руководством зародился какой-то малость недоразвитый (по меркам двадцать первого века) субботне-воскресный лагерь отдыха великовозрастной молодёжи.

Дальше – больше: Федыкин «пионерский отряд» напросился в компанию, и я был вынужден заняться в том числе и развлекаловом мальчишек. Для начала в целях расширения отряда объединил наконец-то пацанов с окраины и детей заводских рабочих, а «пионервожатыми» к ним парочку бизонов назначил. За лето «бандитствующую орду» мальцов, в полсотни голов, удалось сплотить в единую команду. Но сколько головной боли мне это принесло – ох, кто бы знал! Хотя с задачей командира – не переборщить с надзором и не пустить дела на самотёк – я вроде бы справился.

Ненавязчиво разбирая мелкие конфликты, познакомился с ребятами и теперь имею представление, кто чего стоит и на что способен. Сперва, как и бизонов, увлёк всех спортивными играми, а после и за интеллектуальное развитие взялся. Всё, о чём знал и помнил, пошло в ход – шарады, головоломки, конкурсы. Даже счёту и азбуке принялся обучать, и, кстати, в этом мне здорово помогала и продолжает помогать сестрёнка. Ну, естественно, когда у неё время свободное есть.

Вот уж кого бог фантазией и трудоспособностью не обидел. Хлебом её не корми, дай поучить народ чему-нибудь, особенно сверстников. В Федыкином отряде она давно уже

в авторитете. Каждый новенький «пионер» максимум пару дней воспринимает её как чужеродный элемент в мужской компании, а потом уж и внимания не обращает на этукую несуразность: «Ну девчонка, и что? Эка невидаль! Чего на неё внимание обращать? А будешь задирать и насмеяться, она и кулаком может двинуть, да и Федька, коль узнает, по шее добавит за неуважение. Да бог с ней! Тем более про приключения всякие разные эта чертяка в юбке здорово рассказывает».

В скором времени меня посетила идея хотя бы для части отряда устроить постоянный «пионерлагерь», и, посоветовавшись с Софой, я так и сделал. Разбил отряд на три группы, по пятнадцать-семнадцать пацанов в каждой, и они с тех пор, сменяя друг друга, по неделе живут на острове под приглядом «пионервожатых». Я к ним частенько навещаюсь – и один, и с Машулей, проверяем результаты обучения и спортивные достижения. Вечером песни у костра горланим, картошку, запечённую на углях, едим.

Денег, правда, на всё про всё улетает – мама не горюй. Если на отдых рабочих и работниц я могу списывать затраты частично с зарплат отдыхающих, а частично с касс завода и косметсалона, то вот на содержание «пионерлагеря» приходится выкладывать бабло из собственного кармана. Одно питание чего стоит, плюс к этому посуда, палатки, одеяла. Жуть! Даже простенькие кровати (три доски на три полена, сверху сено и мешок) не бесплатно достались.

Но, честно говоря, видя горящие восторгом глаза детворы, я не жалею. Ни о чём не жалею! И пусть некоторые меня малахольным начинают считать, им всё равно не понять моих чувств. Я всегда с радостью вспоминал, вспоминаю и буду вспоминать свои ранние школьные годы и веселье пионерских лагерей, так пускай и у местных мальчишек останутся хоть какие-то светлые воспоминания о детстве.

Бросив последний взгляд на серые тучи, нависшие над городом, я отвернулся от окна и постарался настроиться на деловой лад. Скоро на стройку подрядчики пожалуют, надо бы подготовиться. Пора сделать им одно очень интересное предложение, от которого они вряд ли смогут отказаться. О, а не захватить ли мне на встречу с ними бутылочку вина? Софа, помнится, закупала неплохое французское, для особо знатных гостей. Хм, точно, захвачу! Если договоримся, то сразу же и обмоем рождение нового предприятия. В памяти промелькнули события утренней «гулянки» у ювелира, и губы сами расплылись в улыбке. Там деды в честь свежеспечённого подмастерья торжественный банкет устроили, а я чем хуже? В помощь кого-нибудь из охраны возьму – не мне же поднос с бокалами тащить. Сегодня вроде Гришка дежурный по усадьбе.

В начале августа, посчитав, что уже достаточно поднатаскал начальничка службы безопасности для руководящей должности, приказал ему нанять себе в подчинение ещё парочку охранников. Причём выбор кандидатов оставил все-

цело на его усмотрение – хотелось понять, как он усвоил мои рекомендации по подбору персонала. Первого – Степана Путьмцева, своего одногодку – Василий нашёл среди местных казаков, а второго – Гришку Сурикова – взял из бизонов и готов был поручиться, что парень нам подходит. Молод, конечно, но смышлён и ловок, один из лучших моих бойцов. При этом согласен нести службу даже за полставки, лишь бы мы его взяли.

Впрочем, он не один такой, половина бизонов в охрану рвётся, но я считаю, рановато им пока с завода уходить, пускай ещё поработают. Да и нет, к сожалению, у меня сейчас возможности заниматься планомерным тренингом большого отряда силовиков, других забот навалом. Пусть трое нанятых постепенно опыта набираются, смотришь, года через два первичный командный состав моей «армии» сам сможет обучать пополнение.

Спуститься вниз, отдать распоряжения и прогуляться до стройки – дело пяти минут. Ну, и что здесь новенького? Ага, растёт четырёхэтажечка, растёт, родимая. Периодически сюда заглядывая, не перестаю радоваться. Вроде ничего выдающегося в ней нет, обычный кирпичный дом. Но... чувствую, для меня этот домик с каждым днём становится всё роднее и ближе, потому что уйма сил и времени в него вкладывается. Подумать только, я в той жизни с постройкой дачи меньше заморачивался. Не, ну правда! Как курица-наседка на протяжении всего лета хлопочу, обихаживая растущего «птен-

чика».

Поздоровался с работниками, оценил сделанное за день. Нормально работа идёт, график ребята выдерживают. А почему часть камышитовых плит под дождём оставлена? Непорядок. Утеплитель для стен должен быть сухим. Я, понимаешь ли, в городе и его окрестностях целую индустрию по заготовке камыша и сборке из него плит развернул, а они их тут портят самым наглým образом. Не позволю! О, как раз старший смены бежит.

– Егор Потапыч, ещё раз увижу это такое безобразие, доложу Панкрату Алексеевичу. Пеняйте потом на себя.

Мужик нахмурился:

– Не извольте беспокоиться, Александр Владимирович. Ранее такого не бывало, и далее не будет.

– Надеюсь.

Привыкли местные по старинке работать и новое с трудом воспринимают. Нынче, чтобы дом зимой не промерзал, строителям приходится возводить внешние стены как минимум в два раза толще, чем требуется для прочности здания, иначе в сорокаградусный мороз никакие печки от холода не спасут. Казалось бы, простое решение – заменить часть дорогих стройматериалов дешёвым утеплителем, но опыта в таких работах ни в Сибири, ни в Центральной России почти ни у кого нет. Ну разве что некоторые додумались ставить вместо одной массивной стены две тонкие рядом, а пустое пространство между ними забивать смесью земли и соломы.

Это удешевляет строительство, но не намного.

То ли дело камыш! Он прекрасный теплоизолятор, камышитовая плита толщиной десять сантиметров вместе с пустотелым лицевым кирпичом надёжно защитит стены ремесленного училища и нашей четырёхэтажки от зимней стужи. Одна проблема: учить каменщиков обращению с этими плитами и закреплению их на стене поначалу выпало мне самому.

Ой, да что там камыш, сперва я даже за битые кирпичи вынужден был работников рублём наказывать. Здесь их грузят, перевозят и сгружают навалом, то есть не складывают аккуратно, а кидают как ни попадя. Приезжает телега с завода, и из неё выбрасывают кирпичи прямо на землю, в общую кучу, в результате часть из них приходит в негодность. И это, между прочим, по правилам местного строительства считается обязательной проверкой на прочность: чем больше целых кирпичей останется, тем они, стало быть, лучше и, соответственно, дороже. Спрашивается: мне-то зачем такая проверка? Качество продукции собственного завода я и так знаю. В общем, пришлось мне слегка повоевать, этим летом каждый кирпич на счету.

Осмотрел новые парусиновые навесы, предохраняющие работающих каменщиков и стены от дождя. Последняя партия отлично воду сдерживает, и основная заслуга в этом принадлежит Софье Марковне. Когда она в середине лета, услышав мои проклятия по поводу протекающей парусины, при-

несла необычно жёсткий кусок материи, я не поверил своим глазам. Прорезиненная ткань! Откуда?! Неужели в Красноярск кто-то очень добрый привёз натуральный латекс? Правда, слишком твёрдый он. Может, гуттаперча?

Оказалось, пропитали тряпочку не латексом и не гуттаперчей, а бог его знает чем. Во всяком случае, я не смог разобраться, что там сотворила наша старшая у себя в лаборатории. В состав резиноподобной смеси входили и дёготь, и конопляное масло, и сосновая смола, и столярный клей из рыбных костей, и канифоль. Короче, какой-то кошмар средневекового алхимика. Но самое интересное, этот кошмар работал в нужном направлении – воду не пропускал.

Разумеется, полученная смесь хуже латекса и резины, есть у неё свои недостатки: первое время немного пачкается, к тому же ткань, пропитанная ею, плохо гнётся, а сама смесь постепенно крошится на месте сгиба и начинает промокать. Но зато навесы, изготовленные из такой ткани, обходятся гораздо дешевле кожаных и лишь на чуть-чуть дороже промасленной или вощёной парусины. Причём толстая промасленная парусина при сильном дожде воду всё же пропускает, а вот Софьина «адская» смесь, намазанная даже на тонкую ткань, – нет.

Закончив осмотр, я в ожидании подрядчиков забрался на самые верхние в данный момент мостки каменщиков и залюбовался панорамой, разворачивающейся с высоты третьего этажа. Ох и красивые же виды открываются! Красноярск

как на ладони. Поблёскивают мокрые крыши домов, сверкает в стороне Енисей, за ним радуга расцвела. Лепота! Дождь стих, сквозь нависшие тучи начинают пробиваться робкие солнечные лучики, дай бог остаток дня без осадков пройдёт. Надо бы вечером в «пионерлагерь» скататься и накупаться там вволю, водичка после дождика должна быть тёплой.

Эх, как же меня порой раздражает невозможность искупаться и поплавать в городе! На заводе, казалось бы, вышел из цеха на улицу – и вот она, речка, совсем рядом протекает, всего в сотне метров. Разбегайся и ныряй-плавай в своё удовольствие. Так нет же, не принято тут, понимаешь ли, взрослым гражданам у всех на виду в воде барахтаться. Несolidно это и, как однажды мне поп сказал, затрагивает нравственность окружающих. Мать её ети! Вот пьяные, в скотском состоянии валяющиеся у питейных заведений, эту нравственность не затрагивают никоим образом, совместное мытьё гольшом в частных банях тоже, а купание, даже в подштанниках и рубахе, уже трогает прям за все места.

Только мелкая ребятня мужского пола иногда в городской черте резвится гольшом в Енисее или в Каче, а подрастут пацаны – и всё, для столь «интимного» мероприятия приходится искать более укромные места. Слава богу, на воскресных пикниках удаётся поплавать, но тоже мальчики – справа, девочки – слева. А в крупных городах России и Европы для отдельного омовения мужчин и женщин, говорят, специальные купальни на реках и морях ставят. М-да, у Софы

на хуторе было проще.

Со стороны усадьбы портного донеслись музыкальные переборы – это у Машули урок идёт, пианино ребёнок мучает. Хотя, можно сказать, уже почти и не мучает. Сей музыкальный инструмент доставили нам из Москвы в середине июня. За два месяца малая с ним более-менее освоилась и на простеньких мелодиях теперь редко сбивается. Подозреваю, скоро и меня догонит. Я, правда, пока и сам пианист аховый, но всё же когда-то в институтском ансамбле общался с клавишными инструментами и даже худо-бедно играл на них. Это даёт мне некоторый задел в опережении сестрёнки, только вряд ли надолго, уж больно быстро она прогрессирует. Занимается каждый день, а я на уроки всего по одному часу три раза в неделю могу выделить. Нет у меня свободного времени. Совсем нет!

Кстати, Мария Львовна настояла на размещении пианино у них в доме – говорит, там условия для занятий с преподавателем лучше. Но мне почему-то кажется, она просто боится, что игрушки-неумехи распугают всех клиенток в салоне.

– Добрый день, Александр Владимирович, – отвлёк меня от созерцания городской панорамы наш главный строитель.

– Добрый, Панкрат Алексеевич, – поздоровался я и спустился вниз. – Но судя по погоде, этого не скажешь.

– Да-а уж! Послал Господь испытание этим летом.

– Ничего, если справимся, будем знать, что на многое способны.

– То да, – кивнул он и перекрестился.

– Как продвигается строительство училища? Я уже неделю не могу туда заехать.

– От намеченного не шибко отстаём. Только доски заканчиваются, и бруса на три дня осталось. Вы уж пильщикам своим укажите на задержку.

– Можете не беспокоиться, завтра и брус, и доски подвезут.

Ох уж эта лесопилка! В июне зарегистрировал её, думал, уйму денег сэкономлю, да ещё и заработаю с лихвой, а в итоге получил лишь сплошные траты и хлопоты. У городских плотников доски можно было бы закупать по мере надобности, малыми партиями, и, соответственно, платить за них постепенно, а на своё производство я сподобился приобрести брёвна крупным оптом, целую баржу разом. В придачу новый сарай на берегу под лесопилку поставил и оборудование для неё изготавливал. Плюс к этому приходится зарплату выдавать работничкам-раздолбаям, которые постоянно норовят напортачить. На днях пилу умудрились ухайдочать, а у неё ведь запас прочности будь здоров. Не-е, ещё одно такое ЧП, и я разгоню всех этих крестьянских недорослей к едрене фене. Понабрали балбесов, растуды их в качель! С такими заморочками вложенные средства я дай бог к началу зимы отобью, по завершении строительства.

– Доброго здоровьичка всем!

А вот и второй подрядчик прибыл.

– И вам не хворать, Никифор Иванович.

Не меняется человек... Борода-лопата укрывает всю его широкоую грудь, из-под сурово нахмуренных бровей сверкает взгляд разбойничка с большой дороги, а из-за пояса, как всегда, торчит топор. Вид у Никифора, можно сказать, чрезвычайно отпугивающий. Правда, сейчас борода аккуратно расчёсана, топор отполирован до блеска, да ещё и новая ярко-синяя рубаха надета. Прямо первый парень на деревне... в той, в которой один дом. И это глава лучшей плотницкой артели города! Боже ж ты мой! Причём человек не бедный и мог бы не хуже купцов наряжаться.

– У вас, Никифор Иванович, сегодня праздник, не иначе. Уж больно выглядите вы... ярко.

– Да. Первый внук родился.

Вот это новость! Мы с Панкратом Алексеевичем искренне поздравили новоиспечённого дедушку. Похоже, появился повод начать заготовленную речь.

– Никифор Иванович, а не задумывались ли вы о том, что оставите в наследство своим внукам?

На меня накатила волна вдохновения, и я, не дожидаясь ответа задумавшегося Никифора, ринулся расписывать перспективы расширения города и какое участие в этом действе мы все вместе можем принять. Причём не рядовое участие, а лидирующее. Да нам, если объединимся, горы по плечо будут! У меня – лесопилка и кирпичный завод, который продукции выдаёт едва ли не больше той, что производят семь

других кирпичных заводов Красноярска, у Панкрата Алексеевича – глиняные карьеры и подготовленный персонал каменщиков, у Никифора Ивановича – налаженная лесозаготовка и бригада опытных плотников. Мы взаимно дополняем друг друга. И, кстати, наш с Потапом Владимировичем завод в случае надобности всегда сможет помочь объединённой строительной компании металлоизделиями по сходной цене. Заметьте также, что перспективы строительства в городе на данный момент наметились о-го-го какие, на десятки лет вперёд.

Ох, Саша, талант в тебе пропадает! Языком метёшь гораздо лучше, чем любой дворник метлой. И зачем в той жизни ювелиркой занимался, непонятно. Пойди ты «Гербалайф» продавать, наверно, за пару лет миллионером бы стал.

Первым и довольно быстро на объединение решился Панкрат Алексеевич, он за летние месяцы в полной мере оценил пользу сотрудничества со мной. А Никифор Иванович долго мялся и не мог принять окончательное решение, и лишь предложение передать ему в управление лесопилку сломало сопротивление.

– Но работники у вас, Александр Владимирович, набраны, простите, никудышные.

– Ну, вы же понимаете, что этим летом в городе свободных рук нет вовсе. Мне пришлось нанимать крестьянских пацанов, знакомых с обработкой дерева, и то, что некоторые из них оказались косорукими, так это уж дело случая.

– Да-да! Молодёжи мастер-столяр для пригляда нужен.

– Я пытался найти такого, да все, узнав о станках, мною поставленных, отказывались. Боязно им с техникой общаться, один сказал: «Уж больно спешит она да подгоняет».

– То да. По старинке привыкли у нас мастера работать – не торопясь, с обдумкой. Но есть у меня на примете и те, кто может с вашей техникой совладать.

– Ну, вот вам и дело в руки. Я, со своей стороны, и покажу, и обскажу всё, что потребуется, тем более на лесопилке уже есть ребята, более-менее освоившиеся. А станки и паровик у наших заводских всегда под присмотром будут. Если заменить что надо – заменят быстро, работе остановиться не дадут. Так как, по рукам?

– А-а-а, была не была! По рукам.

Мы крепко пожали друг другу руки, а Панкрат Алексеевич сверху ещё и свою ладонь положил, окончательно скрепляя союз.

– Что ж, господа партнёры, за это не грех и выпить. Григорий, вино давай.

Фу-у... ещё одни хлопоты удалось переложить на чужие плечи.

Глава 5

Василий бросил взгляд на опушку леса и замер. Непроизвольно посмотрел туда и я. Опа... возле кустов, метрах в десяти от нас, стоял низенький, лохматый человечешко и направлял огромное кремнёвое ружьё в нашу сторону. Сам он при этом выглядел смешно, но ружьишко в его руках настраивало на серьёзный лад. Да и остальные люди, выходящие на поляну, тоже не добавляли моменту беспечности. От такой картинки хотелось броситься кувырком за ближайшее дерево, выхватить оружие и открыть пальбу. Левая рука сама собой упёрлась в бок, поближе к рукоятке скрытого на поясице револьвера, а глаза принялись внимательно следить за действиями незваных гостей.

Семь человек, из них пятеро с древним огнестрелом, а ещё один с топором. Причём сразу видно, все отпетые уголовнички и нас рассматривают как свою законную добычу. Не вписывается в этот коллективчик лишь седьмой – безоружный дедуля-азиат. Судя по одежде, тунгус из местных, и явно непростой. Да-а, с такими персонажами мы с казачком никак не ожидали тут встретиться. Только слегка на кулачках размялись и за сабли взялись, и вот те на – явление «романтиков с большой дороги». Удачненько они нас подловили, небось сидели недалече и, сабельный звон услышав, решили проверить, кто там балуется. А рожи-то у всех какие

колоритные. Некоторых не приведи господи на ночь увидеть – бессонница замучает. Особенно вон того, рыжего, почти двухметрового мордovorота со шрамом во всё лицо.

– Прощеньица просим за вторжение, господа хорошие, но уж больно нам коняшки ваши надобны, – первым заговорил лохматый.

Стараясь не делать резких движений, я с показной ленцой воткнул саблю в землю прямо перед собой и, усмехнувшись, ответил:

– Не продаются.

Освободившейся рукой взялся за подбородок и стал его поглаживать, ладонь была готова в любой момент юркнуть в кобуру под мышкой. Василий свой револьвер в подсумке у костра оставил, зато оба моих при мне, а двух стволов на эту гоп-компанию даже многовато. Лихорадочно работающие мозги уже просчитали варианты развития событий. Отдавать лошадей нельзя ни в коем случае: не факт, что нас потом отпустят, да и урон авторитету, однако. Думаю, мирно нам не разойтись. Чёрт! Везёт же в этой жизни на стычки с разбойничками.

– А если мы очень попросим? – Лохматый покачал ружьём.

– Я гляжу, варнаки вы, поэтому, как честный гражданин, ни продать вам коней, ни отпустить вас с миром теперь не могу. Бросайте-ка вы ружья и пистолы свои на землю, повинившимся гарантирую жизнь.

Лохматый удивлённо переглянулся с рыжим и хотел что-то сказать, но его опередил другой заросший детинушка:

– Да чё с ними вошкаться? Стрельнуть их, и вся недолга.

Стоп... а вот эту рожу я знаю. Это ж ямщик-говорун, угрожавший мне от имени своего хозяина. Пересеклись всё же наши дороженьки. Видать, судьба. Несколько месяцев я его, гада, в Красноярске караюлю, а он за городом по лесам прячется. Хотя, может, и не прячется, может, лишь недавно здесь объявился. Подожди-ка, три дня назад купца на тракте ограбили и золотишка, говорят, порядком взяли. Уж не эти ли ухари? Хм, тогда, выходит, сундук, что они волокут, набит несправедно нажитым добром. В таком случае нас точно постараются убрать, как свидетелей.

О, похоже, и ямщик меня тоже признал, прям засветился весь от счастья, в мою сторону глядячи:

– Ва-а-аше благородие, неужто встренулись? Радость-то какая!

– И чему ж ты радуешься, чудо-юдо? Ведь время пришло с чертями общаться, в рай-то тебе дорога заказана.

Говорун нахмурился и потряс пистолем:

– Это мы сейчас поглядим, кто с кем пообщается.

Вполне вероятно, в таком стиле мы бы ещё долго островами перебрасывались, но дальнейшие дебаты прервал азиат – бухнулся на колени, протянул ко мне руки и начал причитать, мешая русские и нерусские слова: «Не трогай меня, смерть... отслужу... всё сделаю... не трогай, смерть», и так

без остановки.

Все оторопели, а я только и смог сказать:

– Лежи смиренно, и будешь жить.

Дедуля меня понял правильно: заткнулся, лёг лицом вниз, вытянув ко мне руки, и замер.

Рыжему это очень не понравилось. Подойдя к лежащему, он пнул его в бок:

– Эй, вставай давай. Вставай, кому говорю!

Никакой реакции.

Лохматый криво усмехнулся:

– Чёй-то спёкса колдунишко. Не к добру это.

Колдун? А ведь точно, шаман местный, их тут часто колдунами кличут. Понятно теперь, почему одежда у него такая пёстрая. Может, он к этой шайке вообще отношения не имеет? Ладно, заканчиваем представление.

– Повторяю последний раз: кто не бросит оружие, умрёт.

– Не пужай, пуганы мы, – опять усмехнулся лохматый. –

На каторге и не таких страшных видывали.

А рыжий явно что-то заподозрил и попытался повернуть ствол в мою сторону. Пора.

Уход с линии огня кремнёвого монстра, время стало нехотя замедляться, шаг в сторону, револьверы в руках, ещё шаг, два толчка в ладони, полуприсед, ещё два толчка. Падаю на бок, перекат, встаю на колени и отрабатываю по остальным целям, как в тире. Василий успел сделать рывок в сторону разбойничков, потом прыгнул, переходя в кувырок и

пропуская сноп картечи над собой, как я учил. Вскочил, замахнувшись саблей, и замер, недоумённо взирая на падающих. Я не задерживаясь перекатываюсь вперёд и разворачиваюсь, контролируя пространство за спиной, затем поворот кругом... Никого! Осматриваю поле боя в поисках подранков, но, кроме азиата и знакомого ямщика, никаких признаков жизни не наблюдаю. Всё... Амба, крышка, моё золотишко!

Тишина, наступившая после выстрелов, прерывается глухим подвыванием подстреленного говоруна. Как-никак обещал я ему нелёгкую смерть, а обещания надо выполнять. Василий продолжает в недоумении бросать настороженные взгляды то на лежащих, то на револьверы в моих руках. А я чего? А я ничего. Достаю из кармана горсть патронов и начинаю перезарядку – может так статься, что на пальбу к нам ещё кто-нибудь из недоброжелателей пожалует.

Тут только мой казачок пришёл в себя и метнулся к костру за своим огнестрелом. Я скорректировал его действия:

– Кусты проверь и вокруг пройдишь.

Перезарядив оружие, спрятал один револьвер, но достал нож – мне ещё пренеприятнейший разговор предстоит с одним гадом. Осмотрел в очередной раз поляну и вздохнул: бурно лето заканчивается, даже слишком. Взор остановился на старике-тунгусе. А с этим необходимо что-то решать. Причём здесь и сейчас.

Всего на несколько секунд отвлёкся, задумавшись над

тем, как поступить с местным коренным жителем, а обстановка меж тем успела измениться: сзади раздался выстрел, и пришлось мне вновь, пригнувшись, разворачиваться. Та-ак... Василию всё же довелось пострелять. Проследил за его взглядом... твою дивизию, говорливому ямщику погеройствовать приспичило!

– Александр Владимирович, он в вас с левой руки пытался целиться, – стал оправдываться казак.

С досады захотелось выматериться от всей души, но лишь зубами скрипнул да рукой махнул.

– За колдуном пригляди.

Эх, Саша, едрить твою бога душу! Надо было этому мордату говоруну оба плеча прострелить, чтоб и не рыпался. Неправильно ты его характер просчитал, ой неправильно! Чё-ёрт! Неужели оборвалась одна из ниточек, ведущая к наглому «хозяину»?

К моему большому удивлению, ямщик был ещё жив и, зажимая рукой рану в груди, даже смог высказать парочку нецензурных выражений в мой адрес, когда я рядом присел. Хотя, конечно, жить ему оставалось совсем чуть-чуть, с такими ранениями без срочного хирургического вмешательства на этом свете не задерживаются. Перевязку делать бессмысленно, на расспросы у меня от силы минут пять.

– Не лежится спокойно? – миролюбиво поинтересовался я и услышал в ответ очередную порцию ругани. Ты смотри-ка, хорошо держится, поганец! Боль от ран должна быть очень

сильной.

– Вижу, ты за лето денегжат хозяину насобирали. Небось, сундучок, что вы тащили, полон злата-серебра?

– Пусть тебе, байстрюк⁸, то серебро... кха... поперёк горла встанет.

– Да я, вообще-то, серебро не ем.

– Ничё-ничё! Хозяин с тебя... кха... семь шкур спустит. Попомни мои слова, на каторгу босой пойдёшь. Уж ныне-то Сапожников ему подсобит.

Какая знакомая фамилия!

– Сапожников? Пётр Иванович?

Утвердительным ответом мне послужил довольный оскал ямщика. У-у, как всё запущено! Это ж канский городничий, что помог мне дворянством обзавестись. Выходит, он кроме денежных махинаций с имуществом богатых покойничков ещё и шашни с бандитами водит. И по-видимому, достаточно плотно, ведь говорун меня байстрюком обозвал, значит, знает, гад, о том, что я на самом деле незаконнорождённый. Ну и о моём подложном дворянстве, скорее всего, тоже осведомлён, а поделиться с ним такой информацией мог лишь Пётр Иванович.

В памяти сразу всплыли его хитрая рожа и пышные усы. Ох уж этот ус-сатый градоначальник! Чувствовал я, с двойным дном сей человек, но такого, признаться, не ожидал.

⁸ Байстрюк – внебрачный ребёнок, сын или дочь родителей, не состоящих в законном браке на момент рождения этого ребёнка.

Это что же получается, в Канске некий «хозяин» нашёл себе опору в лице городничего? Спелись голубки? Тогда становится понятно, почему мне весной так нагло претензии выдвигались: наверно, посчитали, сволочи, что в случае чего припугнут меня разоблачением. Любопытно, уж не сами Сапожников предложил такой финт ушами? Хм, да не... рисковать из-за каких-то пяти тысяч усатый не будет, не того полёта птичка. Вероятно, это частная инициатива «хозяина».

В свете новой информации возникает вопрос: а не организовал ли городничий гибель Патрушевых в целях присвоения их имущества? А что, с такими-то помощничками вполне мог на полную катушку позлодействовать.

Мозги на остаточном адреналине работали быстро, все размышления проскочили за пару секунд, но масштабы задницы, в которую удалось попасть, меня немного ошеломили. Глядя на ухмыляющегося говоруна, я выдавил только:

– Во не живётся-то вам в Канске тихо-мирно... – И замер от новой мысли: – Э-э, погоди-ка. Уж не надумал ли твой хозяин в Красноярск перебираться?

– То не мово ума дело. Кха... кха.

Ага, так я тебе и поверил!

– Как зовут-то хозяина твоего?

– Найдёт он тя... х-х... кха... узнаешь.

Он опять растянул губы в улыбке, и из уголка рта тонкой струйкой потекла кровь. Да-а, неправильно я его характер

просчитал. Полагал, о пощаде гадёныш молить станет и за жизнь цепляться, а он лыбится.

– Покаялся бы перед смертью-то.

– Там... кха... покаюсь... х-х.

Слегка дёрнулся, рука, зажимавшая рану, расслабилась, а взгляд остекленел. Всё. Конец. Так ведь, стервец, и отошёл в мир иной с улыбочкой на лице. Что ж, бывает и такое в жизни: дерьмовый человек, а ушёл достойно.

Ладно, Саша, просчёты и ошибки ты и потом обмозгуешь, сейчас же следует с тунгусом разобраться. Нужен ли нам свидетель? Вот вопрос так вопрос!

– Эй, колдун! Можешь встать.

Даже не пошевелился. Ну да, «чукча в чуме ждёт рассвета».

Подхожу, присаживаюсь рядом и тихонько спрашиваю:

– Жить хочешь?

О, сразу ожил, голову поднял.

– Хочу, смерть, хочу!

– Не понял: смерти хочешь?

– Ты смерть. Я жить хочу.

– М-м, ясно. А почему считаешь меня смертью?

– Знаю.

О как! Всё просто и сердито.

– И чья же я, по-твоему, смерть?

– Плохих людей.

М-да, смешно. Я покачал головой. А ведь мне интересен

стал этот старик, и убивать его совсем расхотелось. Спрашивается, каким макаром мог попасть шаман в бандитскую шайку? Коренные сибирские народности ни с каторжанами, ни с бандитами стараются не общаться.

– И что ж ты, старый... – очень хотелось сказать «пень», – с плохими людьми по лесу шастаешь? Вводишь, понимаешь ли, честных людей в искушение тебя пристрелить.

– Лечить взяли.

– И где ж больной?

– Умер.

Нормально, блин!

– И где умер?

– Полдня назад идти. У пещер умер.

Разговор начал меня малость раздражать: старик выдавал какие-то короткие, рубленые фразы, и хоть на понятном русском языке, но, чтобы разобраться в ходе событий, приходилось эти фразы из него почти клещами вытягивать.

– Тогда на кой хрен ты с варнаками сюда причапал?

– Сказали, помогай – сундук в город носи, там отпустим.

Ха, так бы и отпустили они его... с ножом в спине, на все четыре стороны. И что, чёрт возьми, мне с ним делать? Убивать рука уже не поднимется. К Софье Марковне на беседу отвезти? О-о, хорошая мысль, она быстро разберётся с этим... дремучим жителем тайги.

– Ладно, вставай. Поможешь могилки копать, – я тяжело вздохнул, – а после расскажешь всё более подробно.

Дальнейшие сборы и похороны пролетели мимо меня. Пока шаман копал общую могилку лопатой, принесённой покойничками, Василий успел проверить их вещи и стащил тела к выкапываемой яме. Я в это время изображал стоящего на стрёме и прикидывал, как же выкрутиться из создавшегося положения. Отвлёкся, лишь когда казак позвал к сундуку с деньгами.

Всего четыре увесистых мешочка с серебряными монетами, на взгляд три тысячи рублей, не больше. И никакого тебе, Сашок, золота, никаких бумажных денег. Золотые горы, нарисованные воображением, поманили и растаяли. Ну... видать, не судьба. Откровенно говоря, не сильно я и расстроился, азарт в душе уже прогорел и пеплом покрылся. Теперь для меня важнее решить, как с канской мафией разобраться, а золото... Да бог с ним, наживём ещё.

Тела схоронили неглубоко, так... только бы зверьё не добралось. Глубоко копать некогда, нам здесь задерживаться не стоит. Не ровён час, забредёт сюда какой-нибудь охотник или крестьянин, объясняй потом, что мы не разбойники. По закону следует полицию Красноярска о стычке оповестить, но кто ж сейчас в сибирском лесу по государственным законам живёт? Нет таких – вымерли. Тем более серебро тогда пришлось бы отдать в «закрома родины», да и нервотрёпки в общении с полицией было бы не избежать. А оно нам надо?

Завершая тягостную процедуру, Василий воткнул в могилу крест, сделанный из двух веток, и, посмотрев на меня, как

бы оправдывая свои действия сказал:

– Хош варнаки, а всё ж православные.

Я кивнул, соглашаясь. Эх-х, сколько по Сибири таких безымянных могилочек раскидано, страшно представить. Недавно с купцом Кузнецовым статистику по ссыльнопоселенцам и каторжникам Енисейской губернии обсуждали, так мне поплохело. В среднем из принудительно доставленных в Сибирь до пятидесяти процентов уходит в бега сразу же по прибытии на место проживания, а вновь объявляется в России или ловится по дороге лишь четверть от этого количества. Остальные... По некоторым оценкам, две трети сбежавших гибнет в лесах, а это тысячи, а то и десятки тысяч людей.

Дело в том, что кроме суровых природных условий и опасных животных беглые каторжники на своём пути встречают сибирских крестьян и местных инородцев, а они беглых не любят. Причём о-очень не любят – за воровство, за разбой, за насилие, совершаемое над женщинами. Поэтому убийство беглецов не редкость, их просто отстреливают, как зверьё. По закону опять же вроде как ловить и сдавать в полицию нужно, но... случалось, пойманные вновь сбежали и мстили обидчикам – дома сжигали, убивали крестьян. В результате редко теперь местные беглецов ловят, буйных и наглых легче и надёжнее пристрелить.

Мне Пётр Иванович заметку показывал из газеты «Московские ведомости» за одна тысяча восемьсот шестьдесят

пятый год, так там написано, что если бы крестьяне не уничтожали беглых, то Сибирь с каторжниками едва бы справилась. Вот такие пироги с котятами, ядрёна вошь!

И мало кого в пространстве от Урала до Тихого океана беспокоит высокая смертность среди ссыльных и каторжан.

Однако не стоит думать, что местные жители слишком кровожадны. Тут как в поговорке: с волками жить – по-волчьи выть. Когда приходится постоянно сосуществовать бок о бок с преступниками, собранными со всей России-матушки, то поневоле научишься давать адекватный отпор любым агрессивным действиям.

И между прочим, это не мешает сибирякам искренне жалеть этапированных арестантов: подкармливать их хлебом, мясом, молоком, несмотря на законы, запрещающие такие действия. Да и всевозможных бродяг, бредущих по дорогам, тоже кормят, хотя каждый знает: среди них беглых почти половина. Но... они ж идут тихо, мирно, никого не трогают.

А некоторые, особо сердобольные, граждане в заборах своих усадеб даже специальные окошечки делают – с полочкой, на которую для проходящих мимо кружку молока ставят, накрытую ломтём хлеба, или варёные яйца кладут. Ну... кто чем богат. Бывает, прохожих в дом отобедать приглашают, говоря при этом: «Человек брюхом много не утащит».

Так что народ здесь вполне адекватен: не делай ему зла, и он к тебе по-доброму отнесётся, хм... в большинстве своём. А кто злое замыслил, тот пусть потом не плачет. И та-

кая психология, признаюсь, мне нравится, ведь милосердие и гуманизм по отношению к некоторым гражданам умерли в моей душе ещё в конце восьмидесятых годов двадцатого века. Вот было ли жалко убитых сегодня? Да ни капельки! И угрызания совести меня совершенно не мучают, они сами выбрали свою дорогу и шли по ней не сомневаясь. На это с полной определённой указывали их действия, их лица, их взгляды. Сложись обстоятельства по-другому – они бы нас не пожалели.

Перед отъездом ещё раз, уже более подробно, порасспросил шамана о его пребывании в шайке. Следил за повествованием и подсознательно ожидал, что он, как тот чукча из анекдотов конца двадцатого века, вставит в какое-нибудь предложение слово «однако». Ха, не дождался. Внимательно за ним наблюдая, поймал себя на мысли: чем-то он мне напоминает старика Хоттабыча из старого детского фильма. Не пойму чем, лица совершенно разные. Может, куцей белой бородёнкой?

После беседы объявил ему о предстоящей поездке с нами в город, «для разбирательства деталей нападения на дворянина». Это я так официально загнул, чтоб на корню пресечь любые возражения с его стороны, руку при этом на эфес сабли положил и физиономию постарался пострашнее изобразить. Думал, отбрыкиваться начнёт, нет – покорно согласился: мол, надо так надо.

Возвращались домой быстро, периодически переводя ко-

ней в галоп. Василий с шаманом за спиной ехал первым, я – следом. За дедулей лучше приглядывать – мало ли что случится, свалится вдруг ненароком или сбежать попробует. Всю дорогу до небольшого привала, в двух верстах от Красноярска, мы старались выбирать тропинки подальше от людных мест и внимательно смотрели по сторонам. Слава богу, ни одной живой души так и не встретили. Что ж, дальше поедем спокойно и не таясь.

Пока давали коням роздых, казачок за лёгким перекусом решил высказать свое восхищение по поводу моей стрельбы. Глядя в его сверкающие от боевого задора глаза, не знал, плакать мне или смеяться. Не, ну ёлы-палы! Видел же, оболтус, как я всё лето изо дня в день в мишенях дырки делаю, причём часто из двух револьверов одновременно, и на тебе – только сейчас до него дошло, что всего один хороший стрелок может в считанные секунды кучу народа положить. У-у-у, мама мия, как представляю, сколько мне ещё предстоит знаний и навыков вдолбить в эту лохматую казачью голову, да так, чтоб они в ней остались, прям страшно становится за свою нервную систему.

До усадьбы добрались без происшествий. Сразу же отвёл Хоттабыча к себе в комнату, а сам пошёл о стычке с варнаками Софе докладывать. Рассказал ей в общих чертах, в какую бяку я опять умудрился вляпаться, потом минут двадцать мы думали, как из неё выкарабкиваться, и постановили: пора трясти Кузьму Тихого – последнего известного

нам человечка «хозяина». Больше нет смысла откладывать эту познавательную беседу. А там, глядишь, и в Канск мне придётся съездить, для «разговора» с бандитствующим начальством.

За привезённого шамана взялись через час. Похоже, как я его привёл и посадил на стул, так он с него и не вставал. Сидит такой бородатый столбик с глазами и даже моргать боится. Старшая сперва поздоровалась, затем минуту молча к нему приглядывалась, а закончив осмотр, улыбнулась и попросила рассказать о знакомстве с бандитами.

Ну, дед и выдал приключенческий триллер в своём любимом стиле мелко нарубленных предложений с разнообразными завитушками. Красиво так всё описал, особенно мне понравилась концовка:

– И тут мы встретили Смерть, и он их всех убил.

Софа вопросительно посмотрела на меня, а я в ответ смог лишь кислую физиономию скорчить да руками развести. Чую, после Хоттабыча и мои мозги конкретно прополоснут. Ай, ладно, главное, судя по реакции нашей старшей, шаман не врёт и к бандитам отношения не имеет. Дальнейшую беседу о жизни тунгусов, о травах, о лечении, о духах-помощниках и прочей лабуде я слушал уже вполуха, размышляя о том, как бы незаметно скататься в Канск и прищучить там одного усатого чиновничка.

Правда, в конце дедулю стали на обучение раскручивать, и я вострепнулся. А он, продолжая изъясняться короткими

фразами, старательно отбивался:

– Ты великая мать. Ты многое можешь. Но шаманом тебе не быть.

Интересно, когда это он успел осознать, что наша экстрасенсорша – «великая мать»?

– Потому что я женщина?

– Потому что ты старая.

«Супермама» недоумённо захлопала глазами, а я еле сдержал смех – давно не видел её такой растерянной.

– Ты умная. Но всё умом не измеришь.

Ух ты, какая знакомая песня: умом шаманов не понять, в шаманов можно только верить. Помнится, ещё на хуторе мне нечто подобное Софа о своих способностях толковала.

– Хочешь боле ведать? Я помогу. Но не думай стать шаманом. Вот он мог бы стать шаманом, – крючковатый палец показал на меня, – но не станет.

Теперь пришла пора удивляться мне:

– Что, я тоже старый?

– Твой дух старый. Он не захочет принять новое.

Во дед даёт! Я и новое – да мы же сейчас как близнецы-братья. В моей голове столько нового для этого времени, что дедуле такое и в страшном сне не приснилось бы.

– А попробовать-то можно?

– Можно. То будет моя служба тебе, Смерть. Но дух твой всё равно поведёт тебя своей дорогой.

– Да пушай ведёт! Уж со своим-то духом я договорюсь.

Старик задумчиво посмотрел на меня, покивал головой каким-то своим мыслям и... ничего не ответил.

В общем, Софа с Хоттабычем заключили соглашение: поживёт он у нас немного, опытом поделится. Заодно мне лекции почитает, буду в скором времени знать, как правильно в бубен стучать... В шаманский бубен. Напросился на свою голову. И дёрнул же чёрт с вопросами лезть!

Покинул обсуждающих высокие материи экстрасенсов уже под вечер, хотел до ужина разделить добытое в бою серебро. Как провести делёж и не обидеть Василия, я не знал, поэтому откровенно спросил, какую, по его мнению, долю он заслуживает. Оказалось, никакую.

Во-первых, был на службе, а во-вторых, не успел ничего сделать. В некотором роде я с ним, разумеется, согласен, и жаба в моей душе удовлетворённо квакнула, но... жадность в таких вопросах чревата последствиями. К сожалению, гадкое чувство обделённости иной раз, как вода по капельке, точит самый крепкий камень верности, в той жизни мне довелось такое наблюдать.

– Хорошо. Тогда за активные и смелые действия в бою объявляю тебе благодарность.

Василий вытянулся в струнку:

– Рад стараться!

– И выписываю пятьдесят рублей премиальных, на обзаведение амуницией и оружием.

Казак как-то неопределённо повёл носом, скосил глаза

вниз и выдал:

– Да что амуниция, Александр Владимирович, мне бы сабельку, как у вас. А денег от щедрот ваших и так вполне хватает.

Ого! А губа у него не дура. Я новую саблю только вчера доделал. Между прочим, сам ковал, сам полировал, сегодня испытал, а он на неё уже глаз положил. Ох хитрый! Конечно, до дамасского клинка моей сабле далеко, но скажу без ложной скромности: даже то, что получилось, сейчас немалых денег стоит, потому что сил, знаний, времени и материала в её изготовление вложено изрядно. Там же уйма слоёв стали – и новой, тигельной, с разнообразными присадками, и старой, мягкой, с Абаканского завода. Да я две недели в кузне потел, молотом махая. Кучу заготовок извёл, пока добился того, чего хотел, в той жизни ведь лишь ножи охотничьи ради баловства делал. Эх-х...

– Ладно, будет тебе сабля через месяц. И револьвер, что я дал, отныне можешь считать своим.

Василий ещё громче гаркнул:

– Рад стараться!

– Но амуницию ты всё равно с первой зарплаты в порядок приведи.

– Слушаюсь!

Не успел отвернуться, как он продолжил:

– Александр Владимирович, там, на полянке, я у варнаков по кошельам да за пазухами пошарил.

Ну кто бы сомневался в казачьей предприимчивости!

Я, усмехнувшись, полюбопытствовал:

– И много ль нашарил?

– Меди с серебром у них восемь рублей на круг было, да ассигнациями девять рублей у старшего. Но... – он замаялся, – тут такое дело... ещё у него бумажка одна обнаружилась. Уж больно интересная.

– Интересная, говоришь? А как ты понял, кто у них старшой?

– Так он и разговор с нами первый начал, и бумага найденная только у старшего могла храниться.

– Это ты про маленького и лохматого толкуешь?

Василий кивнул.

– Не факт, что он старшим считался, мог и подручным каким-нибудь быть или, скажем, бандитским казначеем. Но это, по сути, неважно. Деньги себе оставь, а бумагу давай сюда, оценим художества варнаков.

Пока я разглядывал детские каракули (по-другому то, что увидел, и не назвать), Василий попытался дать свои объяснения найденному:

– Не иначе, Александр Владимирович, захоронка то ихняя, куда уворованное с глаз долой прячется, и разобрать, чевой старшой тут накрутил, одни ближники его смогут. Не для стороннего человека сия бумага писана.

Да эта хрень вообще непонятно для кого писана, каракули – они и есть каракули. Боюсь, здесь даже напарники рисовав-

шего не разберутся, лишь он один. Какие-то углы, кресты, воронки и волнистая линия. Ориентиры на память? Возможно. Но найти по этому наброску что-либо, не зная хотя бы примерного месторасположения, – задача нереальная. М-да-а... а жа-а-аль. Эта шайка, наверно, давно промышляет и, полагаю, многое успела прикопать.

Стоп, Сашок! Я постарался поймать за хвост ускользающую мысль: дедулю-шамана варнаки сперва привели к каким-то пещерам, лечить раненого, и на тот момент, по его словам, основная часть шайки минимум неделю там обитала. Ё-малай, уж не в тех ли пещерах прячут награбленное? А что, вполне вероятно. Воронки на чертеже могут быть входами в подземелье, углы... – поворотами, а кресты – местом, где спрятаны сокровища. Волнистая линия, соответственно, берег реки или ручья какого-нибудь.

Ох, как интересно становится! Надо взять Хоттабыча за «хобот» и вытрясти из него координаты этой бандитской стоянки, да и о действиях варнаков порасспросить не помешает, вдруг они часто в одну из пещерок лазили.

Решено: закончим с канской мафией и без промедления двинемся проверять чертёжик на местности. Чем чёрт не шутит, может, там мульёны закопаны.

А поздним вечером прибежал к нам взволнованный пацан-наблюдатель из «пионеротряда» и принёс нерадостные новости: в городе Енисейске бушует большой пожар. Мы все

ложились спать с тяжёлым сердцем, большие городские пожары – это проблема всего региона, а уж в начале осени и подавно, ведь вместе с жильём сгорает провизия, запасённая людьми на зиму. Без нормальной крыши над головой да без еды они с наступлением заморозков начнут вымирать семьями.

Утром узнали масштабы бедствия: почти весь город Енисейск выгорел и сотни людей погибли. Такого, признаться, никто не ожидал. Возгорание деревянных строений в России, разумеется, не редкость, в каждом крупном городе иногда до двух десятков домов за год сгорает, но трагедии, сравнимые с произошедшей в Енисейске сейчас, случаются не более раза в столетие.

К обеду Красноярск гудел, как растревоженный улей. Народ собирался кучками, обсуждая подробности стихийного бедствия, и вспоминал предыдущие крупные пожары. Некоторые любители-сказочники так красочно изображали события, словно сами вчера тушили родную усадьбу. Я постоял, послушал одного, другого, и, скажу откровенно, стало страшно. Прямо наяву представил картину трагедии: звон набата плывёт над городом, ветер свистит меж горящих домов, пламя ревёт, тучи дыма, искр и пылающие головёшки проносятся над головой, люди кричат и бестолково мечутся, не понимая, что делать, воют собаки, ржут лошади, коровы мычат, грохочут телеги и экипажи пытающихся спастись горожан. Всё это смешивается, превращаясь в один неопиcуемый

дикий хаос.

Посмотрел я после этого на ставший таким родным городок, и воображение у меня разыгралось не на шутку. Вот куда бежать, случись у нас такое же несчастье? Говорят, енисейский пожар возник от загоревшейся тундры, при этом был сильный ветер, почти буря, и горящая трава разлеталась на огромные расстояния. Так в Красноярске сильные ветры тоже бывают, и от возгорания окружающих лесов и полей мы не застрахованы.

Нужно создавать добровольную пожарную дружину на базе завода. Да и вообще пора продумать всю систему пожарной безопасности и на заводе, и в усадьбе, и в их окрестностях.

Глава 6

Разбираться с Кузьмой Тихим мы на следующий день пошли вместе с Софой. Я, правда, предлагал без лишнего риска аккуратненько спеленать его вечерком и скрытно доставить в наш подвал, а тут уж на месте выяснять, ху из ху⁹, но наша старшая этому воспротивилась. Она, кстати, все последние донесения Федькиного «пионеротряда» о Кузьме Тихом вместе со мной внимательно изучала и посчитала, что лучше нам самим к нему пойти и спокойно, причём без рукоприкладства, поискать ответы на интересующие нас вопросы.

Мнение её не поколебали даже мои уверения в несусветной глупости подобных действий. «Супермама» в своём стремлении провести встречу мирно была столь категорична, что мне в результате пришлось уступить. Конечно, матерился про себя, поминал женскую логику недобрым словом, к разуму Софы взывал и при всём при этом в итоге сдался на втором часу уговоров. Потом сидел в своей комнате злой и утешал родную паранойю тем, что экстрасенсорша, которой я всецело доверился, редко в делах условия ставит, а если уж ставит, то полезнее будет к ним прислушаться. Жизнь не раз уже доказала их целесообразность.

⁹ Ху из ху – кто есть кто; переиначенная на русский лад английская фраза «who is who».

Рискуем? Да... В некотором роде. Вряд ли Тихий ринется убивать нас всех сразу. Сперва, думаю, он поговорит и узнает, зачем к нему на разборки «маманию» привели, а дальше, естественно, всякое может случиться, например ножами эта каналья кидаться начнёт ни с того ни с сего. Или удрать попробует. Но... тут уж наша старшая уверена: она в силах избежать любых эксцессов. Любых! Кошмар. Кажется, мне предстоит присутствовать при экстрасенсорном экспресс-допросе. Только на фига для этого тащиться на другой конец города, я так и не понял, в подвале нашей усадьбы этим заниматься намного комфортнее.

Разумеется, мне хочется посмотреть на то, как Софа останавливает взглядом летящий нож или, скажем, табуретку. И это, я полагаю, был бы однозначно охрененный цирковой номер. Но в данный момент я всё же предпочёл бы воздержаться от столь рискованной проверки способностей нашей красавицы в телекинезе. Надёжнее работать по старинке, крепко привязав опрашиваемого к стулу: хорошо зафиксированный информатор выдаёт нужные сведения охотнее и быстрее. Ну да Бог ей в помощь, мой круг обязанностей сужается до контроля обстановки во время «беседы». Внимательнее придётся быть.

Взяли с собой всех трёх охранников. В мастерской Кузмы я и сам справлюсь, их же задача – спроваживать восвояси некстати заявившихся посетителей и следить за тем, чтобы никто не сбежал.

Увидев меня, Кузьма на секунду напряжённо замер, но быстро взял себя в руки и расслабился. Настороженно взглянул на Софу, следовавшую за мной, после приветливо улыбнулся обоим и ровным голосом задал вопрос:

– Чего господа желают?

– Поговорить.

То, что ответила дама, никак не отразилось на его поведении, на лице даже тени удивления не мелькнуло.

– О чём господа хотят поговорить?

– О твоём хозяине.

– Простите, вам, видать, неверно сообщили. Здесь я хозяин, мастерская принадлежит только мне.

А хладнокровия ему не занимать. Прекрасно держится! Но собеседница тоже не лыком шита, и терпения у неё хватит на троих таких, как он.

– Нам бы хотелось узнать о человеке, которого Семён Кожич при вашем разговоре с Александром, – Софа величественно махнула ладошкой в мою сторону, – называл хозяином.

Хорошо, что благодаря Хоттабычу мы установили, как обращались к убитому мною говорливому ямщику остальные члены шайки, а то этот хитрован продолжал бы и дальше под дурачка косить. То ли дело сейчас, вон как задумался и не спешит с ответом, догадался – кое-какую информацию мы накопили. Но сидит спокойненько и с интересом рассматривает нашу старшую, да и за мной следит внимательно. Сразу

видно, тёртый калач.

– Поговорили бы с самим Кожичем, он своего хозяина лучше знает.

– Мы поговорили с ним, теперь желаем выяснить, что о хозяине знаешь ты. А также нам важно понять, какое ты имеешь отношение к шайке, собранной хозяином.

Кузьма ухмыльнулся:

– Раз Семён вам про хозяина разболтал, то чего ж про меня не поведал?

– Не успел. Случайно умер чуть раньше.

После такой новости маска простого мастера-сапожника начала с него сползать. Мужик как-то подобрался весь, взор стал хищным и требовательным.

– Вы уверены в его смерти?

– Полностью, – вмешался я в разговор.

– Он был один?

– Их было шестеро.

– Они...

Тихий слегка замялся, и Софа решила дать ответ на невысказанный вопрос:

– К сожалению, Александру не удалось поговорить с ними мирно.

Окинув меня в очередной раз оценивающим взглядом, Кузьма недоверчиво хмыкнул.

– Ну, с Кожичем всё ясно. – Он отрешённо забарабанил кончиками пальцев по столу. – А как остальных звали?

Ишь ты! А товарищ-то занервничал. С чего бы это? Хм, а вдруг у него среди закопанных в лесу варнаков приятели имелись? Вот, блин! Только осложнений нам сейчас и не хватает. Но нет, на все имена убитых Тихий отреагировал спокойно, даже с какой-то затаённой радостью.

– Щепень, Щепень... Это такой маленький, чернявый?

Ха, какой ты любопытный, однако! Пытаешься выведать, действительно ли я видел бандитов? Ну-ну. Постарался ответить без эмоций, добавив в голос немного холода:

– Полагаю, ты и сам прекрасно знаешь: Щепень – здоровый и рыжий. Не стоит время на проверки тратить.

Видно, кое-что до него дошло, и с этого момента наш разговор пошёл в более конструктивном русле. Не знаю, может, Софьины чары сказались, а может, сам решил сотрудничать со «следствием», но как бы там ни было, порассказал он о многом. Пресловутым «хозяином» оказался некий канский купец второй гильдии Фрол Тихонович Потешко. Его людьми являлись, по сути, лишь двое из убитых мною в лесу – Щепень и Семён Кожич, а остальные четверо – это уже местная шайка, и главарём у них числился как раз тот, у кого Василий нашёл занятную карту закопанных бандитских сокровищ. Ну, я, во всяком случае пока, надеюсь, что там и в самом деле сокровища лежат, а не ржавое оружие прикопано.

Фрол Тихонович красноярцев часто нанимал для деяний грязных и кровавых. В последние годы ему понравилось под-

ставлять бизнес-конкурентов под пули и ножи разбойничков с большой дороги. Ничего нового канский купец не изобретал, все методы стары как мир. От многочисленных осведомителей и подкупленных приказчиков он получает сообщения о доставке грузов или денег, а затем через своих ямщиков сливает эти данные прикормленным бандитам в Иркутске, Канске и Красноярске. В результате конкуренты несут убытки, а Фрол кладёт в карман процент с очередной разбойничьей добычи, или, как выражаются нынешние преступники, слам – воровскую долю.

Наш «добровольный» источник знаний – Кузьма Тихий – оказался на редкость едким мужиком и знал о жизни варнаков Сибири немало, поэтому «опрос» затянулся до вечера. За это время мы сполна наслушались сочных и откровенных эпитетов в адрес всех значимых людей региона. И купцам, и чинушам досталось с лихвой. У меня создалось впечатление, что раньше я на криминальную сторону местной жизни через форточку смотрел, а Кузьма взял и окно открыл. Эх, жаль, диктофонов сейчас нет, боюсь, всего не запомнить. Остаётся надеяться, Софья Марковна потом поможет восстановить информацию.

Когда Тихий дошёл в своём повествовании до канского городничего, я за столь бесценные для нас сведения готов был его расцеловать. Ну... без фанатизму, естественно. Так... разок в лобик.

В конце короткой печальной повести о важном усатом че-

ловеке Софа задала уточняющий вопрос:

– А не мог бы ты рассказать подробнее о его жизни?

– Да что вам до него? То ж гнида, каких поискать.

– О врагах лучше знать всё.

– Врагах?

– Да, он наш враг и дружбу водит с другим нашим врагом – Фролом Тихоновичем Потешко. Ты сам об этом говорил.

– Хех... ты смотри, как тесен мир. У многих Пётр Иванович крови попил. Мне эвон с семьёй тож перепало, жену до сих пор найти не в силах.

– А Сапожников знает, где она?

– Знает, – Тихий сверкнул глазами, – и когда-нибудь он мне о том поведаёт.

Так-так-так! Враг моего врага, стало быть. Этим, Саша, непременно нужно воспользоваться. Софа ненадолго замолчала, и я решил подключиться к разговору:

– Если сможешь нам до него добраться, мы выясним, где твоя жена.

– На кой ляд мне ваша помощь? Поспросить его с ножичком у горла я и сам могу.

– Ты в этом уверен? Где спрашивать будешь? Ведь в Канске, насколько я понимаю, тебе его не достать, иначе давно бы ты там побывал.

Кузьма больше минуты зло сверлил меня взглядом, а затем огорошил очередной новостью:

– То так, в Канск мне хода нету. Тока незачем туда ехать,

Пётр Иванович вскорости сам в Красноярск прибудет.

– С какой целью?

– Проездом в столицу, – ответил Тихий и, видя наши недоумённые физиономии, усмехнувшись, добавил: – Выезжает в Россию для поправки дел и здоровья.

Чёрт! Знаем мы его дела. Собирается наворованное понадежнее спрятать: векселя и прочие бумаги обналичит, а имение тех же Патрушевых продаст, если уже не продал. Да и не только Патрушевых, по рассказам Кузьмы, Сапожников многих ограбил и по миру пустил.

– Ошибки быть не может?

– Новости верные, не сомневайтесь. Последний раз он в столицах шесть лет назад был, так что, смекаю, потребность выехать у него изрядная имеется.

Мы с Софой переглянулись, и она высказала общую мысль:

– Раз он сам идёт к нам в руки, упускать его нельзя.

Кузьма нахмурился:

– Я и не упущу. А господам нет нужды ручки пачкать.

Вот балбес! Придётся ему на пальцах весь расклад изобразить. И я начал вкрадчивым голосом:

– А где ты его ловить собрался – в гостинице или на тракте московском? Так он не дурак, подстрахует, по тракту с почтовым караваном пойдёт. Да и в гостинице, скорее всего, к нему без шума не подобраться будет. Людишек для охраны он обязательно с собой возьмёт, а у тебя помощников нет.

Я за тобой всё лето наблюдаю и знаю, что ты в Красноярске как волк-одиночка обитаешь. Связи с перекупщиками золота и некоторыми чинами полиции тут не в счёт, не помощники они в таком-то деле. Или надеешься на крепкие кулаки и нож в рукаве? Так этого мало. Сапожников, полагаю, в город по-тихому въедет. Как ты отследишь, когда и где он остановится? Вдруг не в гостинице передохнуть захочет, а у каких-нибудь знакомых.

– Нет у него здесь знакомцев.

– Да хрен с ними! Он ведь может и без остановки проследовать. Ты об этом подумал? Похоже, нет. Ох, Кузьма, рискуешь! Как ни крути, один ты почти наверняка всю затею провалишь – и злыдня чиновника упустишь, и про жену не узнаешь. А вместе у нас есть шанс... Поверь. Есть.

– Мальчишки за мной следили?

О! Да ты, мужик, умом не обижен. Сообразил, откуда наши сведения.

– Ну, ты же понимаешь: после угроз Кожича мне пришлось вас искать и выяснять, кто вы такие.

Тихий размышлял ещё с минуту, мы молча ждали. Потом, решившись, бросил пробный камень:

– Таким людям, как Пётр Иванович, не стоит жить.

– Мы полностью с тобой согласны, – поддержал я его.

– Если узнаю, где жена, он и дня сверх того не проживёт.

Я постарался улыбнуться покровожаднее:

– Да мы не возражаем.

Судя по его глазам, мы договорились.

Как зарождаются сговоры или заговоры? Да по-разному. Наш, например, родился в довольно чистенькой сапож ной мастерской, и всё потому, что трое посчитали жизнь четвёртого вредной и опасной для собственных жизней. Конкретных планов мы не строили, не до того пока, но определённые шаги по организации встречи заезжего гостя наметили. Кузьма попытается выведать точную дату отъезда городничего из Канска, а также как он проследует через Красноярск – с ночёвкой или без, а я займусь поиском места для засады на московском тракте и изучением красноярских гостиниц на предмет незаметного проникновения в них посторонних людей. Обсудить общий сбор сведений собрались через три дня.

Распрощались по-доброму, и мы с Софой ушли. Сели усталые в бричку и покатали домой.

По дороге, обдумывая прошедшие переговоры, я решил высказать беспокоящую меня мысль:

– Софа, мне кажется, Кузьма слишком много с нами откровенничал. Ты не переусердствовала с воздействием?

– Нет.

Хм, как-то категорично она отвечает. Попробуем зайти с другой стороны.

– Если он догадается о твоих способностях, то...

– Александр, поверь, у него нет причин строить такие догадки.

– Но...

– Он пребывает во мнении, что лишь подтвердил сведения, добытые тобою у замученных варнаков, служивших Потешко.

– Замученных?

– Я думаю, он представляет себе это именно так.

Вот умеет Софочка с панталыку сбивать. Замученных. Надо же. Хотя как ещё, по мнению Кузьмы Тихого, я смог бы выдать информацию из разбойников? Только замучив их до смерти, и никак иначе. М-да, вот такой я страшный и непредсказуемый душегуб: захочу – помучаю, захочу – просто пристрелю. Молодой отморозок, в натуре. То-то он на меня в конце разговора так уважительно посматривать стал.

– То есть Кузьма сейчас уверен, что мы почти всё знали до прихода к нему?

– Да.

– И он нам ничего нового не рассказывал?

– О варнаках – самую малость, в основном же о канском городничем.

Ах, какая умница наша старшая. Хитро она стрелки перевела, теперь и волки сыты, и овцы как бы целы. Мы наконец-то владеем надёжными сведениями, а Кузьма считает себя к этому особо не причастным. Эх... и что бы я без неё делал? Выбивал бы показания по старинке? И конечно, упустил бы усатого чиновничка.

Захотелось выразить Софе свою признательность, побла-

годарить от всего сердца. Повернулся к ней да так и замер с полуоткрытым ртом. Ёлы-палы, Сашок, а красавица-то наша вымоталась донельзя. Сидит вся какая-то... потухшая, слегка сгорбилась и отрешённо рассматривает проплывающие мимо дома, а в глазах... пустота.

Ой, Саша, ой! Тебе прошедший разговор лишь адреналина в кровь добавил, а из неё, похоже, все соки выжал. В первый раз ей пришлось человека так долго под контролем держать да при этом ещё выслушивать всякие гадости о жизни разных богатых выроdkов. Срочно нужно дивчину из ступора выводить, а то тараканчики в её голове могут эмоции не по тем полочкам разложить. Ты же знаешь, женская психика – вещь хрупкая, нервные перенапряжения ей противопоказаны.

Взял её ладонь, легонько сжал меж своих и начал осторожно поглаживать. На мои действия даже не сразу внимание обратили, а обратив, удивлённо посмотрели.

– София, спасибо тебе за всё. Не только за участие в сегодняшней неприятной беседе, а... за *всё*. За каждодневную заботу о нас с Марией, за волнения твои.

– И вам с Марией спасибо... За то, что вы есть. Не знаю, как бы я одна жила... Слишком много грязи вокруг.

Эх, девочка! Хоть и доросла ты до Марковны и бед за свою жизнь перенесла немало, но настоящей грязи пока не видела. Ну да и слава богу.

– Жизнь, Софа, тяжёлая штука, в ней полно и гнусно-

стей, и мерзостей. Но... если из-за них постоянно переживать, сердца на всё не хватит, оно просто откажется дальше работать. Ты, главное, старайся помнить: кроме плохого всегда существует и хорошее.

– Да-да, ты прав.

– Вот и думай о хорошем, а о плохом и не вспоминай.

– Коль совершаешь плохое, как о нём не думать?

У-у-у, как всё запущено! Это она что, морально изводит себя из-за наших замыслов ликвидировать усатого городничего?

– Софа, ты же лекарка и должна понимать: нельзя лечить лишь приятными процедурами, иногда для пользы дела приходится причинять боль. Например, опухоль вырезать. А общество, если внимательно к нему приглядеться, тот же организм, от разных гнойников и опухолей в виде коррумпированных чиновников оно не застраховано, и содействовать в лечении таких... воспалений, я считаю, обязан каждый порядочный гражданин.

– Для лечения общества имеется полиция.

– Ой, Софа, и медицина, и полиция сейчас, можно сказать, ни-ка-кие, так что мы вынуждены им помогать. Да и помимо того, даже если ничего не предпринимать в отношении Сапожникова, он и его приятель, купец Потешко, без внимания нас не оставят. И откупиться от них чем-то малым не получится. Эти люди попытаются отобрать у нас всё, в том числе и наши жизни.

Задумалась, а через полминуты, глубоко вздохнув, ответила:

– Опасно брать на себя роль вершителя судеб.

– Да, опасно. Рисуем сами превратиться в «прыщик» на теле общества.

– Во что? – Красавица удивлённо распахнула глаза.

– В маленький такой, красненький прыщ. Ведь дорости до размеров «опухоли», сравнимой с Сапожниковым, нам совесть вряд ли позволит.

О, слабый намёк на улыбку нарисовался. Мой незамысловатый юмор оценили. Вот и славно, оживает девочка.

– Кстати, а с чего ты решила, что мы выступаем в роли вершителей судеб? Мне кажется, Кузьма Тихий и без нас нашёл бы способ с канским городничим рассчитаться. Да и кто знает, может, таких людей, как Тихий, в Сибири много и каждый из них на Петра Ивановича ножик точит. По сути, мы в его жизни ничего не меняем, а в помощники к Кузьме напросились только для восстановления справедливости в отношении семейства Патрушевых.

Говоря лишь о Патрушевых, я, конечно, чуточку лукавлю – для успокоения совести нашей старшей. Усатый гад наворовал изрядно, поэтому я под лозунгом «Грабь награбленное!» собираюсь распотрошить все его финансовые запасы. Ну... до которых доберусь, естественно.

– Когда-то в детстве мама учила меня: «Саша, зло, принесённое тобою в жизнь, всегда нужно исправлять добром».

– Это как?

– А очень просто. Сделал плохое и не смог исправить свою ошибку – сразу постарайся сделать доброе. Иногда неважно, как и кому.

Софа улыбнулась:

– Умная у тебя была мама.

– Да уж!

Похоже, красавица оклемалась: глазки уже сверкают, от апатии и следа не осталось. На пару секунд замолчала и сменила тему разговора:

– Знаешь, Александр, после известий о пожаре в Енисейске я постоянно думаю, как много там детей сейчас без крова оказалось.

– Да-а. Зима у них трудная будет.

Она внимательно посмотрела на меня и предложила:

– А давай возьмём сотню к нам в усадьбу, на воспитание.

– СКОЛЬКО?!

Наверно, слишком громко я воскликнул – даже Василий, исполняющий сегодня роль нашего кучера, обернулся. Чёрт! Ошарашен ли я? Не то слово! Вот от таких предложений кондрашка миокарда и случается.

– Ну уж полста-то мы всяко зимой прокормить сможем, – напирала Софа.

Ёхранный бабай, доуспокаивал «мамочку» на свою голову! Я её тут, понимаешь ли, жалею, – бедная девочка! – а она меня раньше времени в могилу загнать решила.

– А жить им где?

– Первые два этажа правого крыла четырёхэтажки пусть и с закрытыми окнами, но под жильё приспособить можно.

– Приспособить? Да там и пол ещё не положен.

– У нас оговорено, что полы к отъезду в Петербург будут готовы на всех четырёх этажах.

– Так то к отъезду. Но стелить-то их начнут лишь через месяц.

– А ранее у нас в Енисейск и не получится съездить.

– Да как дети без отопления-то перезимуют?

– Ты что-нибудь придумаешь, я в тебя верю.

Офигеть! Она в меня верит. Мне прям страшно становится. Такие слова мужчине говорят, когда ожидают от него продвига.

Теперь уже Софа взяла меня за руку, и в глазах её блеснули искры неугасимого пожара, разгорающегося в душе. Оо, Саша, ты, кажется, конкретно попал, сейчас пойдёт охмурение по полной.

– Подумай: нам ведь с каждым месяцем помощников требуется всё больше и больше. Где их брать? На стороне? А через год? А через пять лет? Ты говорил, замыслов много. Кто их исполнять будет? Посмотри, насколько тяжело идёт обучение взрослых работников с завода. Молодёжь обгоняет их во всём. Так не проще ли воспитывать смену с детских лет?

– А для чего я, по-твоему, влез в строительство ремесленного училища? Как раз в его стенах мы с Потапом и намеча-

ем пополнение готовить.

– Училище не твоя вотчина, не станут их там учить так, как ты того хочешь. Взять хотя бы открытую в прошлом году мужскую гимназию: купцы-попечители от дел почти отстранены, с них только деньги тянут, а заправляют всем чиновники. Учителей сами найти не в состоянии, а предложенных назначенным директором упорно отвергают. Да и директора могли бы получше найти.

Я махнул рукой:

– Тут по-другому ничего и не делается. Мы с Потапом Владимировичем это предвидели и заранее настроились «подмазывать» непутёвый административный аппарат.

– Ну почему же не делается? К заводским школам губернское правление касательства не имеет.

– Ха... Ты предлагаешь ещё и на заводе школу построить?! А сколько денег в неё придётся вложить, ты не посчитала?

– Вложимся один раз, а работников учить годами сможем.

– Господи! А их питание? А проживание?

– Всё окупится. У нас уйма лёгких работ, на которые обслугу нанимать смысла нет. Дети прекрасно с ними справятся. Тут и уборка, и поднос дров, и сортировка трав. Да что я тебе объясняю, сам знаешь. Ты вон селекцией пшеницы заняться решил, так молодёжь быстрее взрослых зёрна переберёт.

Высказавшись, Софа гордо на меня посмотрела, будто со

всеми проблемами она уже давно разобралась. А я попробовал взглянуть на спор со стороны и задумался.

Саша, а какого, собственно, рожна ты упёрся? Да чем бы «мамуля» ни тешилась, лишь бы не грустила. Хочет свой садик-школу основать – и флаг ей в руки. К тому же мысль о заводской школе сама по себе неплоха, там можно собрать самых умных ребят и систему обучения организовать более гибко, чем в училище. Предметы только нужные нам: математика, физика, химия, тут же усиленная физкультура для пацанов и слесарно-токарные работы. И никакой тебе латыни с древнегреческим, которые в гимназиях втюхивают, и никакого слова божьего. Хм, хотя не, за слово божье мне церковники все мозги высосут.

Не, ну натуральный идиотизм какой-то: огромной стране жутко не хватает инженеров и квалифицированных рабочих, а система образования устроена так, что плодит преимущественно либеральных гуманитариев и православных «менеджеров», то есть тех, кого и так-то гораздо больше, чем надо. Логика, ты где? Ау! Плюс к этому подготовка учителей начальных школ в империи поставлена просто отвратительно. Мало их, и обучены плохо.

Однако вернёмся к нашему детскому садику. Стоп... Нашему? Саша, ты уже согласился на поездку в Енисейск? Ой, да ладно, согласился, согласился, чего уж там. Софа улыбается, довольная – озадачила и рада, а мне расхлёбывать. Да где я тех же преподавателей столько найду? Допустим, чи-

тать и писать детей могут научить девчата из косметсалона, с повышением грамотности заводских рабочих они прекрасно справляются. Но! Для изучения химии, физики, математики, как ни крути, требуются более компетентные педагоги, а их-то в ближайшей округе при всём желании днём с огнём не найти.

Вон в мужскую гимназию и недавно открытое женское училище полный штат до сих пор не набран. Добровольно образованные люди в отсталую Сибирь редко едут, да и то в основном чиновники и горные инженеры. А местные, отправляясь учиться в Центральную Россию, назад почти не возвращаются, неинтересно им тут после жизни в крупных городах. Наглядный пример того – сыновья нашего соседа-портного: старший в Санкт-Петербурге своё ателье открыл, младший, закончив недавно институт, в Москве окопался, и к папочке их, по словам самого Валерия Яковлевича, калачом не заманишь.

Ёклмн, хоть из России преподав выписывай, за бешеные деньги. Хотя есть ведь ещё и ссыльнопоселенцы, можно попробовать среди них кого-нибудь подыскать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.